

"Слияние двух одиночеств"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Биение собственного сердца громко отдавалось в ушах Калли. Она все еще дрожала. Глаза у нее были закрыты, и перед ними мелькали какие-то вспышки и огоньки. Они напоминали ей о жарком экстазе, потрясшем все ее существо всего пару секунд назад. С ней никогда раньше такого не было. Кто бы мог подумать?

Она втянула воздух в легкие, вдохнула острый запах. Запах мужского пота, мускусный аромат кожи и еще что-то, что определить она не могла. Большая рука скользнула вниз по ее бедру, длинные пальцы ласкали ей кожу. Калли изумленно вздохнула от удовольствия. Он такой сильный, нежный и щедрый. Она никогда таких мужчин не встречала. И не ожидала встретить. С ним она была как в раю. Он дразнил ее и дарил ей удовольствие до тех пор, пока мир не разлетелся на сверкающие осколки и она испытала ни с чем несравнимое наслаждение.

Она всегда будет ему благодарна за то удовольствие, которое они с ним разделили. Пусть и совсем ненадолго, оно стало связующим звеном между ними. И от этой эмоциональной связи у нее все потеплело внутри. Она так долго была одинока.

С того самого момента, как она увидела, что он спустил маленькую шлюпку со своей элегантной старой яхты и стал работать веслами, и его голые плечи золотом отливали на солнце, она почувствовала — он не такой, как все. В нем было что-то особенное. Он был настолько идеальным воплощением мужественности, что у нее дыхание перехватило.

Это у нее-то, у Калли Манолис, которая за семь лет ни разу не испытывала влечения к мужчине! И думала уже, что никогда и никого больше не захочет.

Много дней она пыталась игнорировать незнакомца, который вот так вторгся в тишину частного пляжа. В ее укромный уголок. Каждое утро она лежала под сенью сосен, наплававшись, усталая, и пыталась сосредоточиться на книге, которую читала. И все-таки то и дело поглядывала туда, где он гулял по пристани, рыбачил или плавал в чистейших водах крохотной бухты.

Она ощущала его присутствие, даже когда глаза у нее были закрыты. И так уж ли нужно было ему спрашивать у нее дорогу до ближайшей деревни? По блеску в его глазах она поняла, что совсем не нужно. Но в первый раз в жизни Калли понравилось, как он по-мужски восхитился ее красотой — она прочитала это в его взгляде.

Попавшись в плен его глаз, Калли словно плыла по бескрайнему Эгейскому морю, совершенно оторвавшись от реальности. От планов на будущее, от боли прошлого, даже от недоверия, которое она испытывала к мужчинам. Да и какое значение имело доверие перед лицом столь острого притяжения?

Она не удержалась и поцеловала его, ощущая его солоноватый вкус. Из горла его вырвалось нечто среднее между рыком и урчанием.

Может, страсть так ярко вспыхнула в ней из-за длительного сексуального воздержания? Ей двадцать пять, и он ее второй любовник. Может, в этом все дело?

Ее мысль оборвалась, когда его рука двинулась вниз по ее ноге. Потом протиснулась между их

телами, чтобы погладить чувствительную кожу с внутренней стороны ее бедра.

Калли изумленно втянула воздух в грудь, когда где-то глубоко внутри ее вновь зашевелилось желание. И тут же ее словно молнией пронзило, и она поняла, как сильно она опять его хочет. Обжигающее прикосновение его руки согревало ее, а потом он продвинул руку туда, где секунду назад она снова почувствовала жажду. Она ахнула, когда он медленно, но твердо погладил ее там. И осознала вдруг, что в ее неудовлетворенном теле волной поднималось возбуждение.

— Тебе нравится? — его глубокий голос прозвучал лениво, но очень довольно. А еще по его тону она поняла — он знает, как сильно она жаждет его прикосновений.

Он лучше ее самой понимал реакцию ее тела. Калли была в таких делах новичком, но даже настолько неопытная женщина могла распознать, что он настоящий мастер.

Она прижала ладони к его груди и приподнялась, чтобы заглянуть ему в лицо.

На его чувственных губах играла легкая улыбка, а в глазах она увидела блеск и приглашение. Непослушные черные волосы упали ему на лоб в художественном беспорядке после того, как она сжимала их в порыве страсти. Взглядом она скользнула ему по подбородку, по сильной и мощной шее, пока не наткнулась на красное пятно.

Это что, засос? Не может быть, чтобы она вела себя так безумно и дико.

— Мы не можем, — выпалила она. — Не можем сделать это еще раз.

Его черная бровь взметнулась вверх, и он улыбнулся ей уверенно, не торопясь — эта улыбка отозвалась радостью в каждой клеточке ее тела.

— Я бы не стал говорить об этом с такой уверенностью, малышка.

Он снова пошевелил ищущими пальцами, и она вся задрожала.

Она инстинктивно сжала рукой его запястье, хотела отвести его руку. Ей нужно подумать. Но она не могла сдвинуть его ни на миллиметр. Его прикосновение дарило ей ни с чем несравнимое удовольствие.

— Да, — прошептал он, вглядываясь в нее, его взгляд словно насквозь ее пронизывал. — Обними меня, пока я буду тебя трогать.

Калли широко распахнула глаза от этих слов, полных нарочитого эротизма. Сердце подпрыгнуло у нее в груди. Тепло, разливающееся у нее между ног, никак не сочеталось с поднимающимся в ней протестом. Это просто невозможно после того, как отчаянно они занимались любовью. И все же, когда его сильная рука вот так движется под ее рукой, это... возбуждает. И твердеющая и увеличивающаяся в размерах часть его тела, прижатая к ее бедрам, свидетельствовала о том, что и он тоже находит это сексуальным.

— Нет, — задыхаясь, сказала она. Она зажмурилась, пытаясь контролировать свое тело. — Мне нужно идти. Мне нужно...

— Шш, *glikia tou*, — промурлыкал он соблазнительным бархатным голосом. — Расслабься и получай удовольствие. Никакой спешки. Нет ничего важнее вот этого.

Его рука скользнула ей на затылок, и он неумолимо притянул ее к себе, к своим губам. Поцелуй был долгий, томный и соблазнительный. Все желание Калли сопротивляться и противостоять ему исчезло, как ушедшая в песок морская вода. Как может ей все это казаться таким естественным, ведь с ней никогда в жизни такого не было?

— Уйдешь попозже, — промурлыкал он ей прямо в губы, сопровождая лаской каждое свое слово. — После этого.

«После этого». Она ответила на его поцелуй. Остатки ее самообладания растворились в огне все возрастающей страсти.

Как же легко было отдаться на милость этому умелому соблазнителю! Отбросить осторожность, которой она всю жизнь руководствовалась, и радоваться каждому проведенному с ним мгновению. Забыть реальный мир и те горькие уроки, которые этот мир ей преподавал. Еще немного. Чуть-чуть счастья.

Безумие.

Вот что это было, решила Калли, стоя перед зеркалом в своей гостевой комнате. Ничем больше нельзя объяснить то, как она позволила себя соблазнить.

Нет, не просто позволила. Она его на это поощряла, жаждала ощутить прикосновение его мускулистого тела. Она вся сгорала от нетерпения. Ей так хотелось той любви, которой у нее никогда не было и которую теперь ей довелось испытать, к огромному своему удивлению и радости. С незнакомцем.

Она задрожала при мысли о том, что она сделала. Это она-то, женщина, которую таблоиды прозвали Снежной королевой, страстно и без остатка отдалась незнакомцу! Не раз. И не два. А три раза подряд в последовательности, от которой замирало сердце и сбивалось дыхание. Шок и стыд захлестнули ее, когда она во всех самых мелких подробностях припомнила то, что произошло.

Ей даже не хватило благопристойности на то, чтобы смутиться, когда она увидела, что у него с собой презервативы. Она испытала только облегчение.

У него было тело пловца — широкие плечи, узкие бедра, длинные мускулистые ноги и руки и легкая и свободная походка сильного человека. Таких она видела на пляжах у себя дома в Австралии много лет назад. И никак не ожидала увидеть на крохотном пляже на севере Греции, до которого туристы обычно не добирались.

Она знала ослепительно красивых мужчин. И они оставляли ее равнодушной. У нее никогда не учащался пульс от их шарма и внешности. Сплетники были крайне разочарованы, когда шесть лет она хранила верность мужу, который был намного старше ее.

И даже тот факт, что мужу она нужна была только для того, чтобы выставлять ее напоказ как свою собственность и ревниво охранять ее ото всех, не заставил ее искать утешения на стороне. Алкис был импотентом, и Калли похоронила свое либидо и свои эмоции на время их асексуального и несчастливого брака. Даже более того, его болезненная ревность и пугающие вспышки гнева заставили ее держать мужчин на расстоянии. Она научилась отваживать особенно назойливых ухажеров с холодным изяществом, которое стало ее фирменным знаком.

Никогда прежде ее не сжигала такая огненная жажда при взгляде на мужчину. До

сегодняшнего дня, когда несколько часов назад она увидела его в уединенной бухте поместья своего дяди. Это было секундное помешательство, которое нашло на нее из-за того, как она беспокоилась за здоровье тетушки, и стресса, который она испытывала за время этих вынужденных каникул в доме своего дяди. Из-за того, что наконец-то она расслабилась после ужасных последних месяцев жизни мужа.

Из-за того, что всю жизнь она была хорошей девочкой и делала то, что от нее ожидали.

Губы Калли изогнулись в невеселой улыбке, когда она посмотрела в глаза своему отражению в зеркале. Сейчас она совсем не похожа была на хорошую девочку.

Она сделала так, как хотел ее дядя — надела длинное, в пол, платье, чересчур пафосное и совершенно неподходящее для семейного ужина. Сделала высокую прическу и надела броский бриллиантовый гарнитур из кулона и браслета, единственный оставшийся у нее подарок Алкиса. Но даже строгая одежда не могла скрыть произошедшую в ней перемену.

Щеки ее разрумянились, глаза слишком сильно блестели, губы припухли. Да и это выражение тайного удовлетворения наверняка ее выдает. Она должна быть в ужасе от того, что сделала, — ей должно быть стыдно. И все же сейчас, когда она смотрела на незнакомку в зеркале, ей до смерти хотелось забыть о нудном ужине, который устраивает ее дядя, босиком помчаться по пляжу и найти своего незнакомца.

Ее любовника.

Она ведь не знала даже, как зовут этого мужчину.

Но она никогда не сможет этого сделать. Калли слишком хорошо выдрессировали. Она безжалостно подавила мятежный импульс проигнорировать то, что вбивали в нее всю жизнь, и броситься к мужчине, с которым она разделила свое желание и загнанную куда-то глубоко внутрь себя настоящую.

У нее были полдня безумия. А теперь все закончилось, и ей нужно забыть его, пока он не сокрушил все ее с таким трудом отвоеванные и выстроенные защитные барьеры.

— Я хочу, чтобы сегодня вы, девочки, особенно постарались. — Дядя Аристидис умудрился сказать это таким тоном, что простое утверждение превратилось в угрозу. Он погрозил пальцем своей дочери, стоящей рядом с Калли. — Особенно ты, Андже́ла. Твоей матери опять нездоровится, так что ты будешь играть роль хозяйки дома.

Глядя, как дядя нахмурил брови и какое несчастное выражение появилось на лице у Андже́лы, Калли проглотила колкость, которую уже готова была сказать в ответ. Если она разозлит дядю, поплатится за это ее послушная кузина.

— Вечер пройдет идеально, дядя. Я говорила с прислугой. Все приготовленные блюда будут смотреться просто великолепно, а лучшее коллекционное шампанское уже охлаждается. Уверена, это произведет впечатление на твоего гостя.

— Надеюсь, — проревел дядя. — У нас сегодня важный посетитель. Очень важный.

У Калли все внутри сжалось от дурного предчувствия. Что именно он планирует? Это не просто празднование ее двадцатипятилетия в семейном кругу. Бриллианты и дизайнерские платья не были обычным делом даже в этом доме, полном формальностей, подавляющих всех и вся.

Дядя опять посмотрел на Анджелу, и любопытство Калли сменилось острым уколом беспокойства.

— Не забудь о том, что я сказал, — рявкнул он.

Анджела побледнела:

— Да, папа.

В восемнадцать у Анджелы и близко не было резкости и уверенности отца. Калли знала, что для ее кузины общение с деловыми партнерами отца было скорее неприятной обязанностью.

Калли сделала шаг вперед.

— Все будет в порядке, дядя. Не волнуйся, мы очень постараемся.

Аристидис Манолис с ног до головы оглядел Калли, словно ища, к чему бы придраться. Но она шесть лет была замужем за богатым мужчиной, вращалась в высшем обществе, и у нее появился лоск, который позволял ей блистать в любом окружении и играючи справляться с любой самой сложной ситуацией на светских раутах.

И ужин вчетвером даже с самым придирчивым гостем для нее проблемой не будет.

— Ты будешь хозяйкой вечера, — сказал он. — Но я не хочу, чтобы Анджела оставалась в тени, как это обычно бывает.

Калли вдруг заметила, что кивает в унисон с Анджелой. Она всего пять дней пробыла в этом доме и уже ощущала, как его атмосфера начинает ее постепенно поработать.

Неужели она всего несколько часов назад голая лежала в объятиях незнакомца? И ей хватило смелости на то, чтобы заняться с ним сексом под купой сосен у уединенного пляжа?

Как только дядя вышел, она взяла двоюродную сестру за руку. Рука у той была ледяная.

— Все будет хорошо, Анджела. Я здесь, с тобой.

Ее кузина дрожащими пальцами сжала ей руку, и Калли поняла, в каком она отчаянии. А потом Анджела отстранилась, с высоко поднятой головой, прямой спиной — воплощенная элегантность и спокойствие, именно такими и должны быть женщины из семейства Манолис. Женщины в их семье рано этому учились — скрывать эмоции, производить приятное впечатление, служить украшением и дополнением подходящего мужчины.

Подходящий мужчина. Калли подавила дрожь ужаса. Слава богу, что у нее это уже позади. Она никогда больше не будет послушной собственностью мужчины, тем более мужчины с маниакальной склонностью контролировать всех и вся вокруг. У нее все еще дыхание перехватывало от сознания вновь обретенной независимости.

И все же шестое чувство упорно твердило Калли — что-то не так.

— Что такое, Анджела? В чем дело?

Ее кузина украдкой бросила взгляд на дверь.

— Этот гость... — прошептала она. — Папа хочет выдать меня за него замуж.

— Выдать замуж?

Калли ухватила за спинку первого попавшегося стула.

Словно и не было всех этих лет. Словно ей опять восемнадцать — столько же, сколько сейчас Анджеле. И опять она стоит и ждет, когда он придет — мужчина, за которого, как сказал ей дядя, она должна выйти замуж.

Если не хочет, чтобы ее семье пришел конец. Еще один брак по расчету. Еще одна катастрофа.

— Калли?

Голос Анджелы пронзил пелену страшных воспоминаний. Калли изо всех сил попыталась успокоиться. Она нащупала руку Анджелы, зная, как она сейчас нужна своей маленькой кухне.

Сквозь путанные мысли и шум в ушах до Калли донесся звук приближающихся шагов. Мощный голос дяди эхом отдавался в фойе, и все же тихий голос его гостя резонировал сильнее. У Калли внутри все сжалось, в этом голосе ей слышалось что-то смутно знакомое.

Она отогнала от себя эту абсурдную мысль. Ее просто выбила из равновесия новость, которую ей сейчас сообщила Анджела. А еще полные страсти послеобеденные часы, неожиданно для самой себя проведенные с самым сексуальным мужчиной на планете. Как бы ей хотелось быть сейчас с ним, а не в подавляющей роскошь убранства комнате в ожидании очередной катастрофы — деле рук ее дяди.

Калли вздохнула. Анджеле сейчас нужна ее поддержка. И нельзя проявлять слабость, как бы эта новость ее ни шокировала.

— Давай пока переживем вместе этот ужин, а там поговорим. — Она ободряюще улыбнулась кухне. — Он не может тебя заставлять. Помни это.

На лице у Анджелы было написано сомнение, но времени рассуждать больше не было. Мужчины приближались.

И снова тембр голоса их гостя вызвал у Калли какую-то странную реакцию. В ней опять зашевелилось то, что словно проснулось сегодня под сенью сосен и чувственным, и сильным мужским прикосновением.

Сердце у нее забилось чаще. Стараясь игнорировать это странное ощущение, она сделала шаг вперед. И тут же резко остановилась.

Дядя Аристидис с широкой улыбкой посмотрел на стоящего рядом мужчину, потом повернулся и широким жестом обвел комнату:

— Ну, мои дорогие, вот наш гость. Хочу представить вам очень ценного для меня делового партнера Дэймона Савакиса.

Когда Калли увидела гостя, сердце словно разбилось на тысячи острейших осколков. Где-то глубоко в горле все у нее задрожало так, что она даже вздохнуть не могла.

Элегантный. Это слово как нельзя лучше подходило для его описания. Он носил смокинг с небрежной грацией, которая свидетельствовала о его полной уверенности в себе. Но даже

идеально сидящий, на заказ сшитый смокинг не мог спрятать фигуру его обладателя. У него была осанка и телосложение прирожденного спортсмена и прирожденного победителя.

Черты его лица были просто потрясающими, чувственными, в них была скрыта такая сила. Вот только нос у него слегка кривоват, как будто он его ломал. Но это только подчеркивало его харизму и неприкрытую мужественность.

Он прищурился, окинул ее взглядом, почти не скрывая оценивающего блеска. У Калли пересохло во рту. Краем глаза она заметила, что дядя тянет Анджелилу вперед, чтобы представить ее незнакомцу.

Наконец, с большим опозданием, Калли все же сделала шаг вперед, протянула руку и выжала из себя вежливое приветствие:

— Здравствуйте, господин Савакис. Приятно познакомиться.

Он обхватил ее ладонь своей теплой рукой. Она задрожала от нахлынувших на нее тут же воспоминаний. О том, как этот мужчина касался ее всего несколько часов назад.

Она попыталась выдернуть руку, но он держал ее крепко. Калли запаниковала. В животе у нее все перевернулось, и она с трудом проглотила комок в горле. А потом включились воспитание и многолетние отточенные навыки. Она проигнорировала ураган эмоций, поднявшийся внутри, и нацепила ничего не значащую вежливую улыбку.

Глаза у Дэймона Савакиса были темные. Не карие, а еще темнее. Как безлунная ночь. Настолько темные, что могли повергнуть женщину в пучину страсти и желания и держать ее там, пока она не растеряет все свое самообладание и не забудет начисто о благоразумии. Калли это знала, потому что уже видела эти глаза. На себе испытала горячее приглашение, застывшее в этом смелом чувственном взгляде.

Наконец он заговорил:

— Приятно познакомиться, Каллиста.

Слова были самыми обычными. Ожидаемыми. Простой формой вежливости. В отличие от пронзающей насквозь страстности его загадочного взгляда.

Глава 2

Калли выдохнула под его взглядом. Это он!

В ушах у нее шумело. Голос дяди прозвучал словно издалека. Она совершенно забыла все, что должна была делать и говорить. Осталось только сметающее все на своем пути желание.

Он должен жениться на Анджелиле? Невозможно. Это ошибка.

Но дядя таких ошибок не совершал. Нет!

Внутри у нее все сжалось при мысли о том, как она будет объяснять дяде, насколько хорошо она уже знает его особого гостя. Часы, проведенные с ним, должны были стать моментом вне времени, фантазией, которая осуществляется всего раз в жизни. Минутным заблуждением.

Теперь она оказалась лицом к лицу с мужчиной, который убедил ее сбросить доспехи, предназначенные для того, чтобы держать весь мир, а главное, мужчин на расстоянии

вытянутой руки. Она слишком близко его к себе подпустила, отбросив осторожность, приоткрыв для него уязвимую часть своей натуры, что-то глубоко личное. И теперь уже слишком поздно снова захлопывать эту дверь. Сегодня она, сама того не желая, открыла ящик Пандоры. Чувства, которые она семь лет назад посадила под замок, снова ожили.

Она отвернулась и резковато махнула в сторону диванов. Просто необходимо было разорвать эту связь между ними, основанную на тайном знании и сильнейшем физическом влечении.

— Хотите присесть? — голос ее звучал холодно, без всякого выражения.

— После вас. — Гость наклонил голову.

— Позвольте мне предложить вам выпить. Коктейль? Вино? Шерри? Или что-то покрепче? У нас есть анисовый ликер, бренди...

Он молча на нее посмотрел.

— Спасибо. Виски.

Калли быстро пошла к бару.

— А ты что будешь, дядя?

— Ну, конечно, бренди. — Голос его прозвучал резко, но в голове у нее был такой туман, а ноги так дрожали, что она этого почти и не заметила.

Поразительно! Конечно, она знала это имя. Дэймон Савакис. Его все знали. У него компания, работающая в самых разных странах мира и занимающаяся всем от пристаней до производства роскошных яхт, от эксклюзивных курортов на побережье до судоходных линий. У него было огромное состояние и почти сверхъестественное деловое чутье, способность бить в самый подходящий момент и получать все большие прибыли. Все признавали, что он умен, безжалостен и ему дьявольски везет.

А еще он был главным конкурентом компании Манолиса. И дядя ее всегда говорил о нем как об угрозе, а не как о друге.

Тогда почему он приплыл к ним в бухту на своей красивой, но очень старой яхте?

Он все это время знал, кто она? Она ведь была на земле, принадлежащей их семье. Но если так, он, конечно, упомянул бы, что знает ее дядю. И что собирается жениться на Анджеле.

Если только он специально не промолчал об этом.

У Калли перехватило дыхание.

Может, ему доставило удовольствие ее соблазнить, в то время как он готовился жениться на Анджеле? А может, он просто смеялся в душе над тем, какая она легковерная, как легко поддалась его чарам? И ему приятно смотреть, как она силится сохранять спокойствие?

У Калли был слишком большой опыт в том, что касалось влиятельных мужчин и их развлечений. И в том, как они используют женщин. И как она могла повести себя так глупо и доверчиво, забыть об этом?

Ее первое настоящее счастье за семь лет оказалось предательством.

Она чуть не уронила бокалы.

— Давайте я вам помогу, — произнес Дэймон у нее за спиной. — Предпочитаете вино?

Слова были вполне безобидные, но дыхание его коснулось ее шеи, и по коже у нее тут же побежали мурашки.

Она коротко кивнула и отступила, а он открыл вино. Она оказалась в углу, а он стоял так, что закрывал ее от всех остальных. Его тепло ее обволакивало. В ноздри Калли ударил знакомый запах — запах мужчины, вызвавший в ней целую бурю воспоминаний.

— Ну, вот мы и встретились, Каллиста, — прошептал он так, чтобы только она услышала, и все же в тоне его она уловила некоторое самодовольство.

Она посмотрела ему в лицо и тут же пожалела об этом. Своим взглядом он давал ей понять, что во всех подробностях помнил произошедшее между ними несколько часов назад.

— Какую роль вы играете сегодня вечером?

Калли вздрогнула от этой неожиданной атаки:

— О чем вы?

Он буднично пожал плечами, но посмотрел на нее так, как ястреб смотрит на мышь-полевку.

— От распутницы до хорошо воспитанной девушки из высшего общества за полдня. — Он поморщился. — Сейчас ты холодна как лед и вся такая правильная, а всего пару часов назад соблазняла совершенно незнакомого тебе человека. Ты всегда так легко приспосабливаешься?

На миг Калли потеряла дар речи. Не она одна на этом пляже сгорала от желания. Как смеет он ее судить?

— Я приспосабливаюсь так же легко, как и вы, мистер Савакис.

Они посмотрели друг другу в глаза. Щеки ее тут же обдало жаром, и она отвела взгляд, ее внимание привлекли его пальцы, которыми он сжимал бокал.

Указательным пальцем он скользнул вверх-вниз по ножке бокала, и во рту у нее пересохло, когда она вспомнила, как он ласкал этим пальцем ее соски. Как она стонала, пока он открывал для себя ее интимные секреты. И теперь, когда она смотрела, как медленно и сосредоточенно он водит пальцем по бокалу, как он на нее смотрит, она чувствовала себя уязвимой.

Она быстро взяла у него из рук бокал. Молниеносным движением он крепко обхватил ее руку, и она замерла.

— Почему так долго, Каллиста? — спросил ее дядя.

— Иду, дядя, — сказала она и попыталась вырвать руку из мертвой хватки Дэймона Савакиса.

— В чем дело, Каллиста? Вы что, не рады меня видеть?

Голос у него был соблазнительный, таким она его и помнила.

— Вы друг моего дяди. Вам всегда рады в этом доме, — сказала она и изо всех сил сжала губы.

Чего от нее хочет этот человек? Он совсем не похож на мужчину, который подарил ей секс, полный интимности и нежности, дал ей чувство удовлетворенности, которого она никогда прежде не испытывала.

Брови Дэймона изогнулись.

— Не очень убедительное приветствие, *glikia mou*, — прошептал он. — Я ждал от тебя чуть более теплого приема.

Сегодняшний день был так богат на эмоции, что у нее совсем не осталось сил. Физическое удовольствие пробудило в ней глубокие чувства, ей даже показалось, что оно подействовало на нее живительно. Тем больнее ей было видеть, что для него это всего лишь своего рода извращенное развлечение.

Наконец ей удалось отдернуть руку и взять дядин бренди. Она смерила Дэймона взглядом через плечо.

— Извините, я должна отнести это дяде.

Он не сдвинулся с места.

— А ты сегодня ночью меня наведишь, Каллиста? Чтобы я точно почувствовал себя как дома?

В его голосе безошибочно прозвучало сексуальное приглашение. Она запаниковала. Он ее обманул, заставил ее выдать самые сокровенные свои желания, о которых она и не догадывалась. А теперь он хотел посмеяться над ней. Обратит счастливые мгновения в пошлость.

— Каллиста?

Она посмотрела в его блестящие темные глаза, веселые и томные. Ему все это кажется смешным?

Она выпрямилась, возмущенно вздернула подбородок, ей было больно. Хватит с нее жестоких мужских игр. Ей до смерти надоело быть пешкой, зависящей от малейшей прихоти своего хозяина.

— Хотите знать правду? — хрипло прошептала она. — Вам здесь не место, господин Савакис. И последнее, что мне хочется делать сейчас, — это вынужденно делить с вами трапезу.

Она сделала шаг вперед. Ему пришлось посторониться и пропустить ее. Но в глазах его промелькнули удивление и гнев, значит, ему не очень-то понравилось такое ее поведение.

Велика важность! Он уже с ней поигрался. Наверняка ему приятно было соблазнить женщину, которую журналы прозвали недотрогой. А она-то поверила, что сегодняшний день был особенным. Какая же она дура! Неужели она до сих пор еще не поняла, что нельзя доверять мужчинам?

— Вот, значит, как ты хочешь вести игру, Каллиста?

В его тоне слышалось предупреждение. Она его проигнорировала:

— Я не играю, господин Савакис.

Он прищурился.

Он такой же, как все, ждет, что она будет выполнять любые его капризы. Но она теперь сама себе хозяйка, свободная и независимая.

И все же сердце ее стучало как бешеное, стоило ей только к нему приблизиться. А его взгляд на ее голой спине словно пламенем обжег ей позвоночник.

У нее было такое чувство, что ее поведение скорее раззадорило его, чем остудило его пыл.

Похоже, он воспринял ее слова как вызов и готов был его принять.

— Нет, спасибо, — покачал головой Дэймон, когда официант предложил долить ему вина.

— Да брось, Дэймон. — Хозяин дома нетерпеливо махнул рукой официанту. — Почему бы не выпить? Давай, в этом доме все только высшего качества.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Дэймон, взглянув на слуг в униформе и золотую посуду на узорчатых скатертях.

Глядя на всю эту роскошь, мало кто догадался бы, каким шатким было финансовое положение Аристидиса Манолиса. Как близок он к тому, чтобы разориться.

А Дэймон знал. Именно его деньги могли спасти Манолиса и его семейный бизнес.

Или уничтожить его.

Всю свою сознательную взрослую жизнь он работал и ждал этого дня, когда Манолис окажется в его власти. Много лет Дэймоном двигало желание завладеть его драгоценной компанией, а потом разбить ее на мелкие кусочки. Его грела мысль о том, как он отомстит за то, что семья Манолиса сделала с его семьей.

Вдруг в свете люстр что-то блеснуло, Дэймон повернулся и посмотрел на Каллисту и на ее кольцо. Дорогое, белого золота с бриллиантами в несколько каратов. На его вкус, оно было слишком уж кричащее, слишком явственно свидетельствовало о ее богатстве.

Она напомнила ему других богатых избалованных его знакомых. Для них значение имела стоимость драгоценных камней, а не изящество дизайна.

Глядя на нее сейчас, в элегантном платье от-кутюр, с ничего не выражающим лицом, он поверить не мог, что это та же самая незнакомка, которая так легко его соблазнила. В той женщине было столько жизни и врожденной чувственности. Она отдавалась без остатка, искренне. Она была щедрой, в ней была какая-то теплота, и он почти поверил, что она особенная. И ответил ей со страстью, которая удивила его самого. С тех пор он все время думал о ней и поклялся, что узнает, кто она такая — эта женщина, заинтриговавшая его больше всех его бывших любовниц.

И как мог он быть таким доверчивым?

— Любуетесь украшениями моей племянницы? — в голосе хозяина дома слышалось самодовольство. — Впечатляет, правда?

Каллиста подняла на них глаза. Лицо ее походило на вежливую и красивую маску. Но когда

она встретилась взглядом с Дэймоном, он опять ощутил укол желания.

Это его просто взбесило. Неужели он не может взять себя в руки теперь, когда он знает, кто она и что она за человек? Избалованная девочка из семейства Манолис, искавшая развлечений на стороне.

Там на пляже она просто очаровала его своей отзывчивостью, чувственностью, с которой она предавалась любви. Но как только она взглянула на него сегодня пустым холодным взглядом свысока, он понял, что время, проведенное на пляже, было всего лишь приключением пресыщенной светской львицы.

— Колье изумительное, — пробормотал он.

Взглядом он скользнул за бриллиантами на ее колье вниз в ложбинку между пышными грудями, выглядывавшими из глубокого декольте.

Она знала, как показать свою красоту. И это его раздражало. А может, его злило то, как спокойно она его разглядывала своими потрясающими зелеными глазами. Он не привык, чтобы женщины, особенно женщины, с которыми он так самозабвенно занимался любовью, были к нему равнодушны. Или говорили ему, что он недостойн того, чтобы сидеть с ними за одним столом.

Только раз попробовав ее на вкус, он жаждал большего. Он собирался завтра поискать сирену, с которой занимался любовью. А теперь узнал, что его воплощенная сексуальная фантазия всего-навсего испорченная богатая девчонка. И она стыдится того, что между ними было.

Стыдится его.

Эта мысль больно ударила по его гордости, растревожила старые раны, которые, как он думал, давно уже зажили. Ее полнейшее спокойствие будило в нем какое-то извращенное желание. Он не мог устоять перед брошенным ему вызовом. Ведь она пыталась поставить его на место, как будто он ее грязная тайна. Как будто, несмотря на все его влияние и богатство, Манолис, в жилах которой текла голубая кровь, не осквернит свою светлую кожу и не позволит мужчине с его корнями выходца из рабочего класса еще раз до себя дотронуться.

— У Алкиса всегда был безупречный вкус, да, дорогая?

— Он точно знал, чего хочет, дядя.

Голос ее звучал звонко и ровно, словно она обсуждала сегодняшний ужин, а не камни стоимостью в тысячи евро, струящиеся вниз по ее груди. Она явно как должное принимала свою праздную жизнь избалованной богатой наследницы.

— Алкис? — переспросил Дэймон.

— Мой муж. — Она опустила глаза, с виду скромно, вот только шею, уши и запястья ее залила краска.

Ее муж. Это слово эхом отдавалось у него в ушах. В животе похолодело. Его обдало новой волной ярости. Надо было ему сразу догадаться. Она просто скучающая жена из высшего общества. Она его использовала.

На него нахлынули непрощенные воспоминания о тех годах, когда он еще не заработал

состояние. Когда у него было только желание рисковать и коммерческая жилка. А еще внешность. Тогда богатые женщины толпами вились вокруг него в поисках приключений, пикантного романа с человеком не своего круга.

Словно бы он мог заткнуть за пояс гордость и стать игрушкой богатой дамы.

— А что ваш муж? Он здесь, с вами?

Дэймон постарался сдержать гнев и отвращение к самому себе — и как он мог выпустить на свободу свое либидо, не проверив, с кем он имеет дело?

Она подняла на него глаза. Глаза у нее были цвета моря в уединенной бухте, где была пришвартована его яхта. Моря, шум которого заглушал ее крики, когда она билась в экстазе, а потом кончила в его объятиях.

На мгновение он снова попал в плен иллюзии единения с этой женщиной, которое они испытали, когда их тела слились воедино. Ему ни с кем раньше не бывало так хорошо. Одно это вызывало в нем недоверие. Его переполняло отвращение к себе за то, что он вот так просто поверил в собственную фантазию.

— Мой муж умер несколько месяцев назад, мистер Савакис. — Она холодно на него посмотрела.

«Поздно, Каллиста!»

Пусть она строит сейчас из себя бесстрастную светскую даму, он-то знал, какой огонь пылает у нее внутри.

Ее сегодняшняя страсть не была попыткой заглушить тоску по мужу. Они не мучились мыслями о прошлом, когда любили друг друга. Это было вожделение в чистом виде.

— Мои соболезнования, — сказал он и слегка склонил голову.

Она держалась так отстраненно. В ней не было ни тени сожаления. Интересно, подумал Дэймон, что за женщина, потеряв супруга, ничего не чувствует. Инстинкт подсказывал ему — что бы ни скрывалось за этим ее ледяным выражением лица, это уж точно не разбитое сердце.

— Алкис всегда выбирал лучшее, — пророкотал Манолис. — Эти бриллианты высшего качества.

— Правда? — Дэймон наклонился, словно для того, чтобы получше рассмотреть кольцо. — Они довольно необычны. — Если можно считать необычным, чтобы человек такую кучу денег потратил на эту безвкусную побрякушку. — По-моему, я ничего подобного раньше не видел.

— Они сделаны на заказ. Каллиста, дай нашему гостю взглянуть на них поближе. Не ломайся, девочка.

— Дядя, уверена, он не захочет...

— Напротив, — перебил ее Дэймон. — Мне бы очень хотелось увидеть их вблизи.

Если семейство Манолис настолько вульгарно, что так выставляет напоказ свое богатство, он не преминет этим воспользоваться.

Он заметил, как Каллиста быстро переглянулась со своей молчаливой кузиной, потом встала и пошла к нему.

Тысячи крошечных серебряных бусин на ее платье заиграли в свете ламп. Все ее тело словно засверкало, и он почувствовал, как напряглась его плоть. Наряд оттенял роскошные изгибы ее тела. Все его мышцы напряглись от усилий, чтобы усидеть на месте и не потянуться к ней рукой. Заявить на нее свои права, он так жаждал этого даже сейчас.

Когда она остановилась совсем близко, он почувствовал аромат ее духов. Он знал, сколько стоят эти духи. Он купил такие же своей последней любовнице в качестве прощального подарка.

Он раздраженно поднялся, осознав, что ему больше понравился запах ее обнаженной кожи сегодня.

Каллиста встала, груди ее быстро вздымались и опускались, отчего камни играли в искусственном свете. На его вкус, она смотрелась бы лучше без этих бриллиантов. Дэймон потянулся к ее сережке. Каллиста вся задрожала, и камни заискрились. Дэймон оценил эту ее реакцию.

Значит, она не так спокойна в его присутствии, как хочет показать.

— Замечательно, — пробормотал он и подступил к ней так близко, что почти касался теперь ее тела.

Он сделал вид, что разглядывает тяжелый кулон, а на самом деле проследил взглядом линию ее декольте. У него руки зачесались, когда он вспомнил, как приятно было трогать ее грудь.

— Да, Алкис знал, на что тратить деньги.

— Не сомневаюсь. — Дэймон заглянул в ее глаза цвета морской волны, теперь он был так близко, что опять видел те золотые искорки, которые так его ослепили.

Теперь он понял, кто она такая. Перед тем как сюда приехать, он навел справки о семье Манолис и узнал, что у них есть дочь. А вот о племяннице он как-то не подумал.

А ведь это та самая женщина, о которой говорили все Афины, когда в девятнадцать лет она вышла за богатого американца с греческими корнями, променяв свою молодость и красоту на роскошный образ жизни и престижное имя.

Дэймон тогда был на тихоокеанском побережье, заключал сделку по строительству эксклюзивной бухты. Когда он вернулся, все говорили о Каллисте и ее муже. Теперь он понял почему. Она потрясающе красива, одна из самых прелестных женщин из всех, что он видел.

Он намеренно отвернулся и посмотрел на вторую присутствующую в комнате женщину.

— Но иногда самые ослепительные украшения проигрывают по сравнению с естественностью.

Он услышал сдавленный вздох у себя за спиной. Каллиста привыкла получать все внимание на фоне своей тихони кузины. Но не тут-то было.

— Ты прав, Дэймон. Абсолютно прав, — пророкотал Манолис с излишним добродушием в голосе. — Иногда истинная красота бывает более тонкой.

Вот тонкости-то у хозяина дома как и не было ни на грош. Он с явным усердием расхваливал достоинства собственной дочери, как будто она была породистым жеребцом на аукционе.

Дэймон прищурился.

Неужели Аристидис всерьез думает, что его, Дэймона Савакиса, который мог выбирать любую женщину, какая ему только понравится, может заинтересовать застенчивая мышка? Да она даже взглянуть на него не может, не покраснев. Под тяжелым взглядом отца она, запинаясь, завела с Дэймоном наискучнейший и наибанальнейший разговор. Потом Манолис начал что-то там говорить о том, как важно в бизнесе доверие и как хорошо бы, чтобы у всех партнеров общими были не только деловые, но и личные интересы.

Дэймон сжал губы. Так вот откуда ветер дует! Манолис надеялся, что Дэймону понравится его дочь. Он, должно быть, спятил. Или, может, он в более отчаянном положении, чем думал Дэймон. Или догадывается о том, что Дэймон собирается разрушить его компанию.

Дэймон посмотрел на Каллисту. Если страсть, которую они разделили, хоть что-то для нее значила, своднические намерения дяди не могли ей нравиться. Но она держалась по-королевски спокойно. Интересно, она по доброй воле себя ему сегодня предложила? Или ее визиты в уединенную бухту были частью плана Аристидиса Манолиса?

Это подозрение закралось в сознание Дэймона в ту самую секунду, как он ее здесь увидел. Может, Манолис узнал о том, что Дэймон решил приехать пораньше и немного отдохнуть, и решил смягчить его перед переговорами при помощи своей племянницы? От такого человека, как Манолис, вполне можно было ожидать такого дешевого трюка. Ну, тогда Манолис просчитался. Она не прочь была заняться горячим сексом с незнакомцем, но гордость аристократки не позволяла ей открыто общаться с выходцем из рабочего класса.

Интересно, что она получила за то, что согласилась помочь дяде?

Дэймону стало так противно, что он даже ощутил горечь во рту. У Манолиса нет выбора. Скоро он завладеет его компанией. Эта мысль согревала ту часть сердца Дэймона, которая все еще цеплялась за прошлое. Дэймон склонен был предоставить своим юристам вести эти переговоры. Сюда его привело лишь любопытство. Он помнил, с каким восхищением и трепетом говорили в его семье о Манолисах, на которых работали его отец и дед. О компании, которая в конечном счете их уничтожила.

Времена изменились, и игроки тоже поменялись местами. Теперь Дэймон настолько влиятелен, что одного его слова достаточно для того, чтобы спасти эту семью или окончательно ее сломать. Все, что он сегодня здесь увидел, вызвало в нем одно только презрение к хозяевам этого дома.

И все же... он перевел взгляд на Каллисту, та окинула его прохладным взглядом и отвернулась к кухне. Губы ее изогнулись в полуулыбке, от которой у него дыхание перехватило. Какими бы ни были ее мотивы, она его использовала, как полного идиота. Его мужская гордость требовала сатисфакции. Дэймон Савакис не привык, чтобы им манипулировали. Но и сейчас тело его все горело огнем, жаждало ее тела. Эта история еще не закончена. Она не может закончиться, пока желание к ней накрывает его вот так с головой.

В эту секунду он решил принять приглашение Манолиса и остаться. Не потому, что их деловые переговоры требовали его присутствия.

Он собирался здесь заняться намного более личным делом.

— Этого не может быть. Что значит — мой трастовый фонд заморожен? — Калли пришлось приложить массу усилий, чтобы не повышать голос на дядю. — Я наследую деньги в день своего двадцатипятилетия. То есть сегодня.

Он не смотрел ей в глаза.

Плохой знак. Обычно дядя Аристидис в ответ на неудобные вопросы просто хамил. И то, что он сейчас этого сделать не попытался, не на шутку встревожило Калли. К тому же он всю неделю очень уж старательно избегал приватной беседы с ней. Наконец, когда они попрощались с Дэймоном Савакисом, он позвал ее к себе в кабинет.

Она поежилась, ей не хотелось думать о Дэймоне Савакисе.

Ей все нервы измотал вечер, когда она вынуждена была беседовать с этим человеком, то разговаривавшим с ней снисходительно-вежливым тоном, то пожирившим ее глазами. С человеком, которому она поверила на несколько коротких часов.

— Когда ты родилась, именно так мы и собирались сделать. Но обстоятельства изменились.

— Нет, дядя. Вы не просто собирались так сделать. Это все оформлено юридически. Мои родители учредили трастовый фонд, когда я была ребенком. Сегодня я наследую имущество.

От родителей у нее почти ничего не осталось. Одни только воспоминания и старый потрепанный фотоальбом. Когда она переехала к своим греческим родственникам — убитая горем четырнадцатилетняя девочка, — ее дядя коротко проинформировал ее о том, что дом ее родителей будет продан со всем, что в нем было.

Калли тогда приехала с одним чемоданом и новым зеленым рюкзаком, который мама купила ей для запланированного семейного отдыха на яхте. Опять сердце ей больно кольнуло. До сих пор воспоминание о той потере живо было в ее сердце.

— Ты получишь свое наследство, Каллиста. Мне просто нужно время, чтобы это организовать. Я не думал, что тебе так срочно понадобятся деньги из фонда. Как насчет того, что тебе оставил Алкис?

— Алкис оставил свое состояние детям, и ты это прекрасно знаешь. Уверен, вы об этом с ним договорились, когда ты меня за него сватал. Поэтому я и хочу разобраться с фондом.

У Калли были планы на будущее, но ей нужны были деньги, чтобы воплотить их в жизнь. Когда она отсюда уедет, она продаст последнее из своих кричащих украшений с драгоценными камнями и на эти деньги откроет маленький магазинчик. Она сама будет принимать решения и никому не позволит лезть в свою жизнь. Она по собственному горькому опыту теперь знала, что полагаться можно только на себя, если хочешь быть хоть немножечко счастливой. Она знала, чего хочет, и ничто ей не мешает добиться своей цели.

— Может, мне просто позвонить семейным адвокатам и...

— Нет! — рявкнул дядя. — Ты всегда была такой своевольной. Ну почему бы тебе просто не подождать вместо того, чтобы меня изводить?

Своевольной? Наоборот, она была слишком покладистой и позволяла мужчинам заправлять

своей жизнью. Но больше этому не бывать.

— Я тебя расстраиваю, дядя. Не беспокойся. Я завтра поеду в Афины и сама улажу все формальности.

Во взгляде его блеснуло что-то, граничащее с ненавистью.

— Толку от этого никакого не будет. Там ничего нет.

Калли побледнела. Ее дядя никогда не шутил, особенно когда речь шла о деньгах.

— Не смотри на меня так, — прорычал он. — Ты свое получишь. Как только я заключу сделку с Дэймоном Савакисом.

— Какое он имеет отношение к моему наследству?

— У нашей семейной компании... в последнее время дела шли неважно. Мы столкнулись с разного рода трудностями, неожиданными затратами на рабочую силу, ресурсы, а тут еще спад на рынке.

Странно, что спад на рынке ударил только по компании Манолиса, в то время как его конкуренты, такие как «Савакис энтерпрайзес», процветали. Аристидис Манолис думал, что она этого не знает. Он вообще считал своих родственниц тупоголовыми куклами, не способными понять даже основы бизнеса.

— И?.. — Калли с радостью опустилась в кресло, потому что ноги ее все равно не держали.

— И когда я заключу сделку с Савакисом, эти временные трудности с наличностью разрешатся.

— Но это не объясняет, что же случилось с моим трастовым фондом.

— У компании были проблемы. Я должен был как-то удержать ее на плаву. Временная мера, чтобы не пойти ко дну.

В горле у Калли застрял комок, она почти не могла дышать. Она закрыла глаза, и в ушах ее громко отдавалось биение собственного сердца.

Сколько раз может этот человек вот так ее предавать? И почему она вдруг наивно поверила в то, что впервые в жизни все у нее будет хорошо?

Жадность и предательство. Она все время сталкивалась с этим в своей взрослой жизни. Казалось бы, пора бы уже привыкнуть, и все же ей всегда становилось больно, когда она в очередной раз становилась жертвой людской подлости и двуличности.

Она устало открыла глаза и посмотрела на брата своего покойного отца.

— Ты украл мое наследство, — прошептала она.

— Каллиста Манолис! Думай, что говоришь! Теперь, когда твой муж умер, я глава твоей семьи.

— Я знаю, кто ты. И я думала, у тебя хватит гордости не воровать у членов своей семьи.

Он резко ударил кулаком по столу.

— Я не воровал. Это было временное перераспределение активов. Ты просто не понимаешь...

— Я понимаю, что ты вор. Ты мой опекун и должен был действовать в рамках закона и деловой этики.

Калли изо всех сил сдерживала ярость. Ей очень хотелось заявить на него в полицию. Увидеть, как хотя бы один из мужчин, которые использовали ее в собственных целях, за это ответит.

Но ее останавливала мысль о двоюродной сестре и тетушке. Им правосудие только навредит, а денег ей все равно не вернет.

— Деньги скоро будут у тебя.

Она никогда раньше не слышала от него такого умоляющего тона.

— С процентами. Как только эта сделка будет официально оформлена.

— Ты что, надеешься, что Дэймон Савакис поможет тебе в трудную минуту? Он известен своими победами в бизнесе, а не состраданием к конкурентам.

— Но мы не будем конкурентами. Если все пойдет так, Дэймон Савакис станет не только моим деловым партнером, но еще и членом нашей семьи.

Калли резко остановилась, когда услышала голоса у бассейна. Кузина Анджеला и Дэймон Савакис. Это его смех.

Только вчера, прижимаясь к его широкой груди, она слышала, как срываются с его губ стоны удовольствия. Она сжала пальцы, снова ощутив, как ее накрыло волной желаний. Какая же она дура! Он использовал ее, позабавился с ней, как с дешевой игрушкой. Она приняла тогда его эмоции за чистую монету, не усомнилась в том, что его влечение по силе равно ее собственному. Но потом его появление у них в доме вдребезги разбило все ее грезы. Как пикантно — недавняя любовница и будущая невеста под одной крышей! Его это, наверное, позабавило.

Она не верила, что на пляже он не знал, кто она такая.

Конечно, куда интереснее соблазнить женщину, прозванную Снежной королевой, чем кувыряться с очередной горящей желанием представительницей прекрасного пола.

Она выпрямила спину.

— Доброе утро, Анджеला. Господин Савакис.

Видимо, поговорить наедине с Анджелой ей так и не удастся. Вчера ее позвал к себе дядя Аристидис, а потом она кухню не нашла.

— Извини, что опоздала. Я не знала, что у нас гости.

— Господин Савакис останется на несколько дней, — тихо сказала Анджеला, у Калли тут же холодок по спине пробежал.

«Несколько дней!» Все еще хуже, чем она думала.

— Он приехал к завтраку.

Голос Анджели звучал спокойно. Только близкий ей человек заметил бы, как она на самом деле нервничает.

Калли стало стыдно за то, что она так долго спала и ее застенчивой кузине пришлось самой принимать посетителя. Ее всю ночь одолевали мысли о том, что сказал дядя о состоянии их финансов, и о том, каким на самом деле оказался Дэймон Савакис.

— Ваш дядя был настолько любезен, что пригласил меня еще отведать вашего гостеприимства.

Ей только почудился сарказм в двух последних словах? Как будто он говорил о какой-то личной услуге, которую он ждал именно от нее?

Калли медленно повернулась к нему. Вид у него был жутко самодовольный. И Калли сама ужаснулась тому, как в очередной раз отреагировало на него ее тело, невзирая на ее гнев.

— Я как раз собиралась показать господину Савакису гостевое бунгало, — пояснила Анджела.

— Прошу вас, называйте меня Дэймон. Когда вы говорите «господин Савакис», мне начинает казаться, что я ровесник вашего отца. Нет нужды церемониться.

«Еще как есть», — подумала Калли, украдкой взглянув на Анджелу.

— Спасибо, Дэймон. Пожалуйста, зовите меня Анджела.

— Анджела. — Он коротко ей улыбнулся, потом повернулся к Калли и впери в нее взгляд своих темных глаз.

— Формально вы действительно из другого поколения, — сказала Калли прежде, чем он успел к ней обратиться. — Вам ведь под сорок, так? А Анджеле только восемнадцать.

Он сдвинул брови, потом его губы дрогнули не раздраженно, скорее весело.

— Мне тридцать четыре, раз уж вам так хочется это знать. И мне уже достаточно лет, чтобы я знал, чего хочу, Калли. Я могу называть вас Калли? Или вы предпочитаете Каллиста?

Ей не нравились оба варианта. Слишком уж интимно ее имя звучало в его устах, особенно когда он говорил таким бархатным голосом, рассчитанным на то, чтобы соблазнить любую девушку.

— Я... — Она уже хотела сказать, чтобы он называл ее полным именем, но тут заметила, с каким волнением смотрит на нее Анджела. — Да, конечно, зовите меня Калли.

— Спасибо, Калли.

В глазах его сверкнул огонек, значение которого она не понимала.

— Извините. — Анджела встала. — Мне нужно ответить на звонок.

Калли заметила, как порозовели щеки Анджелы — наверное, звонил Нико. Он был сыном местного доктора и уже много лет был влюблен в Анджелу. Он с нуля начал строить собственную туристическую компанию в надежде заслужить наконец доверие дяди Аристидиса и получить его согласие на то, чтобы они с Анджелой поженились.

Калли прекрасно знала — Аристидис никогда не позволит дочери выйти за местного мальчишку, каким бы хорошим он ни был человеком и как бы сильно они с Анджелой ни были влюблены друг в друга. Для ее дяди значение имели только положение в обществе и деньги.

Она окинула взглядом потягивающего кофе Дэймона Савакиса. Он за секунду охмурит бедняжку Анджелу, а потом побежит искать развлечений на стороне. Также легко он и Калли вчера соблазнил. Она поежилась. Она не станет смотреть, как дядя испортит Анджеле всю жизнь, выдав ее замуж по расчету так же, как сделал это когда-то с ней. Особенно учитывая, что у Анджелы есть шанс стать счастливой с честным мужчиной, которому она небезразлична.

— Не торопись, Анджела. Я позабочусь о нашем госте.

— Звучит многообещающе.

— Что, простите? — Анджела повернулась к Дэймону.

— Мне нравится идея, чтобы ты обо мне позаботилась, — протянул он. — Что ты предлагаешь?

Он скользнул взглядом по ее желто-зеленой майке и дальше вниз на голый живот. Как будто погладил ее ладонью.

— Показать вам гостевое бунгало.

Калли пожалела о том, что на ней сейчас брюки и короткая майка. Если бы она знала, что он здесь, она бы надела закрытую тунику. Хотя это все равно бы не помогло. Он помнит, как она выглядит обнаженной. И она тоже хорошо помнила каждый сантиметр его тела.

Она вздохнула и отвела глаза, стараясь не думать об этом, а также о гормонах, бурно требовавших обратить на него самое что ни на есть пристальное внимание.

— О, Калли, и это все? — он провел пальцем по ее шее. — А я-то надеялся на что-то более... интимное.

Она вздернула подбородок, выпрямилась и изо всех сил постаралась успокоиться. Проиgnорировав желание, которое вспыхнуло в ней с невероятной силой, она пошла вперед, удивляясь тому, как трудно ей было сейчас притворяться.

— Гостевые комнаты в этой стороне, — сказала она, когда смогла, наконец, говорить ровным голосом.

Дэймон смотрел, как она идет впереди него по лужайке. Ее бедра соблазнительно покачивались, и он голодным взглядом вперился в ее плотно облегающие белые брюки. Она надела их, чтобы его подразнить? Неужели она носит стринги? Или под брюками у нее вообще ничего нет?

Ему стало жарко, и он сам на себя разозлился. Разве мало того, что из-за нее он всю ночь не спал? Он бесился из-за того, как она его использовала, и в то же время хотел еще раз до нее дотронуться, отведать ее великолепного тела. И даже тот факт, что она его отшила, не утихомирил его либидо.

— Вы идете?

Она повернулась. Даже сейчас, когда волосы у нее забраны в хвостик, у нее такой вид, будто

она сошла со страниц модного журнала. Мама Дэймона любила журналы о богатых людях и их особенном стиле жизни. Дэймон же намеренно от всего этого дистанцировался, хотя денег у него было более чем достаточно.

Ему нравилось быть богатым, заботиться о близких, но он поклялся не поддаваться пустозвонству и притворству, которые были неотъемлемой частью мира богачей. Он на них вволю насмотрелся, когда его мать прибиралась на виллах самых влиятельных в стране семейств. А когда он подростком на этих виллах работал, то и сам понял, какие моральные принципы и ценности в ходу у представителей высшего света.

Дэймон гордился своим происхождением и тем, что заработал все сам тяжким трудом, а не унаследовал чье-то состояние. Он давно уже понял, что за флером богатства и эксклюзивности зачастую скрываются жадность, эгоизм и порок. И последнее, чего ему бы хотелось, — это запасть на женщину, которая была воплощением всего вышеперечисленного. Женщину, которая унаследовала ценности семьи Манолис.

— Иду, Калли.

Он подошел так близко, что чувствовал ее тепло и аромат. Не тяжелые дорогие духи, которыми она подушилась вчера вечером, а тот самый загадочный и женственный, солнечный и мускусный аромат. Он помнил его по времени, которое она провела в его объятиях.

Она развернулась и пошла дальше. А он поразился тому, как полоснуло по нему желание. И тут же понял, что вчера ночью он принял правильное решение.

Между ними не все еще кончено. Ей не удастся просто отбросить его в сторону, как какое-то ничтожество, от которого она уже получила то, чего хотела.

— У тебя необычный цвет волос.

Она пожала плечами:

— Может быть, я крашу волосы.

— О, но, Калли, мы же оба знаем, что не красишь. — Треугольник золотисто-медового оттенка волос, открывшийся его взгляду, когда он вчера снял с нее трусики-бикини, был настоящим. — Я же видел доказательство. Помнишь? Вблизи и в очень интимной обстановке.

Она замерла на секунду, потом резко развернулась, как он и надеялся. Она ничем не выдала своего смущения. Да и вряд ли она стеснялась.

Вот повезло ее мужу. Интересно, он умер, пытаясь ее удовлетворить? Или вынужден был смотреть, как она получает от молодых мужчин то, чего сам он ей дать не мог?

— А я знаю, что вы чернее самого дьявола. И что?

— Гречанки редко бывают столь откровенны.

— Я только наполовину гречанка. Моя мать была австралийкой. Ну, если я удовлетворила ваше любопытство...

— Нет еще. Скажи, почему ты меня к себе не подпускаешь? После вчерашнего я уж точно заслуживаю чуточку больше теплоты. Ты относишься к тому разряду женщин, которым

обязательно нужна пикантность тайного свидания, чтобы воспламенить кровь?

Калли смотрела на бунгало всего с сотни метров вниз по тропинке и понимала, что будет просто чудом, если ей удастся дойти туда, не растеряв спокойствия.

«Воспламенить кровь!»

И все же она задумалась — что, если он прав? Может, ей так легко было оставить все сомнения вчера потому, что она была с незнакомцем, а то, чем они занимались, было крайне рискованно?

Калли закрыла глаза и вспомнила, как он шел к ней в тени. Как без колебаний притянул ее в свои объятия. И как она с такой готовностью и пылом встречала каждую его ласку, что ей страшно было сейчас об этом думать. Она быстро открыла глаза. Она уже и так дала ему слишком много. Она не позволит ему играть с собой, пока он соревнуется с дядей.

— Ты не имеешь права чего бы то ни было от меня ожидать.

— Не согласен. Если учесть то, что было вчера, ты очень уж недружелюбно ко мне относишься.

Дэймон подошел поближе, словно обнимая ее своим теплом. Она чувствовала запах моря, запах мужчины и с трудом сдерживалась, чтобы не протянуть к нему руку и не погладить его.

— То, что было вчера, прошло.

— Но то, что было между нами, может и продолжиться.

Она ужаснулась, поняв, как сильно она все еще хочет его прикосновений.

— Все кончено, — повторила она, надеясь на то, что ей самой удастся в это поверить.

— А если я не готов все закончить?

— Нечего заканчивать. У нас был секс. И все.

— Просто секс? — Его брови взметнулись вверх, и ей показалось, в его глазах мелькнул гнев. — Это твой фирменный знак, Калли? Горячий секс с незнакомцами, которых ты забываешь на следующий же день?

У нее по коже мурашки забегали от смущения и злости. Но она только скользнула взглядом по его телу, а потом сказала:

— То же я могу сказать и о тебе. Ты вчера получил, что хотел. Конец истории.

— Ошибаешься, дорогая. Уж поверь мне, это еще не конец.

Не в силах контролировать свое тело, она ощутила легкое возбуждение. Это просто невысказано. Она не станет играть в эти игры. Вчера она совершила ошибку, нарушила собственные моральные принципы ради пары часов страсти.

— Поверьте, господин Савакис. Все кончено. Почему бы просто не забыть об этом?

Калли не сомневалась, что к концу дня он найдет другую женщину, жаждущую попасть к нему

в постель. Сердце у нее в груди болезненно сжалось.

— Потому что я всегда получаю то, чего хочу, *glikia mou*. Ты разожгла мой аппетит, и я хочу еще. — Губы его изогнулись в голодной ухмылке, и по спине у нее пробежал холодок. — Я хочу тебя, Калли. И я тебя получу.

Глава 4

Какого черта на него нашло? Дэймон задался вопросом, в своем ли он уме, когда эти слова слетели у него с губ.

Она не была женщиной его типа. И все, что он о ней узнал, говорило не в ее пользу. Не считая того, как страстно она занималась сексом. По этой части она была так хороша, что смогла даже пробить стену его сдержанности.

Правда заключалась в том, что одного раза с Калли Манолис было мало. Он хотел ее. Еще. Проклинал свою слабость, но не мог остановиться. Его желание было первобытным и легко брало верх над разумом.

Она широко распахнула глаза, губы у нее приоткрылись, и он представил себе, как накрывает их жарким поцелуем.

— Вам не запугать меня своими угрозами.

Голос ее прозвучал хрипло. Все-таки она боится. Или возбудилась. У Дэймона от этой мысли все тело напряглось.

— Это не угроза, а обещание.

— У вас нет надо мной власти. Я сама себе хозяйка. Никто мне не указ. — Она махнула рукой на бунгало в конце тропинки. — Уверена, вы сами найдете дорогу, господин Савакис.

И ушла, как будто слуге указала на его место.

Никто не смел так обращаться с Дэймоном Савакисом. И все же мысленно он аплодировал ее выдержке. Не многие осмеливались ему противостоять. Она его по-настоящему завораживала. Ему хотелось пробиться сквозь ее напускное спокойствие и высокомерие и согреть ее в своих объятиях до тех пор, пока им обоим не станет жарко.

Он засунул руки в карманы, чтобы не схватить ее и не обрушиться на нее со всей своей страстью, не заставить ее подчиниться. Это было бы слишком просто. Ему хотелось, чтобы она пришла к нему сама. За двадцать четыре часа он стал одержим Каллистой. Невзирая на ее презрение. И на то, кто она. А может, именно из-за этого. В нем опять зашевелился гнев. Его отец и дед много лет горбатились на семью Манолис. Дед рано свел себя в могилу непосильным трудом. А отец умер в результате несчастного случая на рабочем месте. Его мать получила от компании соболезнования. А вот законной компенсации не получила. Дэймон направил свой гнев на то, чтобы добиться успеха, чтобы семья его никогда больше не была уязвима, как тогда, когда пятеро детей в их семье остались без отца. Ему было пятнадцать, и он был старшим из них.

Что удивительного в том, что ему приятно смотреть, как старается ему услужить Аристидис Манолис? И нравилось представлять, как покорится его воле Каллиста Манолис?

Дэймон заставит ее признаться в своем желании. Он возьмет ее снова, будет с ней столько, чтобы насытиться, а потом бросит ее. И она будет жаждать большего, но никогда этого не получит.

Калли шла по холму, хотя ей хотелось бежать без оглядки. Она спиной чувствовала его горячий взгляд. В ней кипел гнев, и все равно тело ее предательски реагировало на его присутствие. Она отдалась ему бездумно. А теперь ей не убежать, пока все не решится с ее наследством. Без него ей никак не осуществить мечту об открытии собственного маленького бизнеса.

Только эта мечта и помогла ей пережить годы замужества. Она не могла от нее отказаться. Оставалось надеяться, что дядина сделка прогорит, а Дэймон не клюнет на его сводничество. Она запнулась и резко остановилась, когда вдруг поняла, что только деньги Дэймона Савакиса теперь могут спасти ее планы на будущее. Слава богу, сам Дэймон этого не знает. Он не преминул бы воспользоваться ее слабостью.

Течение ее мыслей прервали громкие всхлипы, доносившиеся из рощи. Там она и нашла плачущую на скамейке Анджелу.

Семь лет назад сама Калли пришла сюда оплакивать предательство в любви. И думала, что хуже быть ничего не может. Какая же она была тогда наивная!

— Анджела! Что такое, сестренка?

— Это все папа. Он узнал, что я разговаривала с Нико. Он так разозлился. Он ничего и слышать не хочет о том, что мы с Нико любим друг друга. Говорит только, что я должна спасти семью и компанию. Я пыталась с ним поговорить. Говорила, что Дэймону я неинтересна. Я не такая гламурная, как ты. А он только еще больше разозлился. Сказал, Дэймон хочет детей от послушной женщины из хорошей семьи.

Как будто Дэймону нужно жениться, чтобы утвердиться в обществе! Его богатство и власть и так открывали для него любые двери.

Но в одном дядя прав. Мужчины готовы платить за то, чтобы заполучить понравившуюся женщину. Калли по наивности своей когда-то согласилась стать игрушкой для Алкиса и помогла дяде сохранить тогда компанию после очередной неудачи в бизнесе. Она думала, что делает это для блага семьи, и не осознавала, какое ярмо надевает себе на шею, связав свою жизнь с жестокосердным Алкисом.

— Папа сказал, что мужчина женится, чтобы завести детей и создать себе комфорт, что Дэймон в другом месте станет искать... искать...

— Шш, Анджела, все в порядке.

— Нет, не в порядке. Если я послушаюсь, мы все потеряем. А мама так болеет. Если ей придется лечиться...

Калли встала и взяла Анджелу за руку:

— Подожди пока. Мы что-нибудь придумаем.

Анджела не пойдет по ее стопам. Она все для этого сделает. Встанет на колени перед

Дэймоном Савакисом и будет его умолять, если придется.

— Спасибо, Калли. — Дэймон принял из ее рук освежающий холодный напиток, намеренно коснулся при этом ее пальцев.

Она вздрогнула. Нервы у нее начали сдавать. Дэймон не спешил завершать дела с Манолисом, чтобы подольше быть рядом с Калли, которая вынуждена была исполнять роль хозяйки дома.

Не отпуская ее руку, он поднялся.

— Извините, — пробормотала она. — Пойду принесу салфетку.

— Не надо.

— Но я...

— Позволь мне...

Он поднял их сцепленные руки, заметив, как участилось ее дыхание, нагнулся и слизнул сок с ее большого пальца, потом указательного, а потом чувствительного треугольника кожи между ними. Она задрожала.

Ее кожа пахла летом. Не надо было этого делать. Как только он ощутил ее вкус, он перестал себя контролировать.

— Не надо. Пожалуйста.

От этих ее слов в нем зашевелилось нечто вроде чувства вины. Куда делась та Каллиста, которую он знал? Лед и пламень? Она на секунду перестала себя контролировать, и он увидел перед собой совершенно другую женщину. Он ведь как раз этого и добивался, разве нет? Чтобы она сдалась и признала, что хочет его.

И все же сейчас он заметил, какие у нее круги под глазами, словно она ужасно устала, и на секунду засомневался.

— Калли, — пробормотал он и притянул ее ближе к себе.

— Калли, не сможешь? Я... — раздался с террасы голос Анджелы.

Дэймон повернулся и увидел, как кузина Каллисты смотрит на них широко распахнутыми глазами. Он запоздало разжал руку, и Калли тут же отстранилась.

— Извините, я только хотела...

— Привет, Анджела. — Дэймон улыбнулся девушке. Она напоминала ему младшую сестру. Та тоже тушевалась в присутствии незнакомцев и была милым существом.

Калли тут же подошла к Анджеле и увела ее в сторону. Она подняла руку, словно пытаясь защитить девушку.

Дэймон нахмурился. Он уже видел этот жест. Но в присутствии Калли мысли его всегда путались. Теперь же он вспомнил, как Калли каждый раз появлялась, когда он был наедине с Анджелой, как часто она садилась между ним и кузиной.

Как раз в этот момент Калли посмотрела на него, извинилась и вышла вместе с Анджелой.

Интересно, почему она так себя ведет? Неужели Калли ревнует? Или все же защищает Анджелу?

Эта мысль никак не укладывалась у Дэймона в голове. Он никогда не представлял угрозу для таких милых молоденьких девушек, как Анджела. У него были более опытные любовницы, с которыми он весело проводил время. А когда он решит, что пора жениться...

Дэймон замер.

Неужели в этом все дело? Аристидис Манолис задумал женить его на своей дочери? Какая чепуха! Как будто ему нужна помощь в выборе жены! А потом он вспомнил, какое у Калли было лицо, когда она уводила кухню в дом. Вдруг все стало на свои места.

Дэймон расплылся в довольной улыбке.

Попалась! Теперь он знал ее ахиллесову пяту.

— Как раз тебя-то я и ищу. — Голос Дэймона прозвучал низко и зазывно. — Нам нужно поговорить.

Просто поразительно. Даже то, что он ее презирает, не могло умерить ее желание.

Она и не знала, что физическое влечение бывает таким сильным, поэтому и поверила, что там, под соснами, их соединило что-то большее, чем просто похоть. Она всегда была слишком наивна. Давно пора уже снять розовые очки.

Калли медленно повернулась. Вид у Дэймона был серьезный, как у человека, который привык, чтобы с ним считались. Он не один час говорил с дядей. Что они там обсуждали?

— Я скоро уезжаю. — Он подошел к ней совсем близко.

Калли судорожно сжала перила и сказала себе, что хочет, чтобы он уехал — должна хотеть.

— Надеюсь, вам у нас понравилось.

— Ваша семья была очень гостеприимна... и щедра.

В его голосе прозвучали какие-то странные нотки, и по ее спине пробежал холодок.

— Настолько щедро, что я подумываю о том, чтобы укрепить связи с вашей семьей.

Казалось бы, она могла теперь расслабиться. Если сделка будет успешной, она получит свое наследство. Но уж слишком довольное у него было выражение лица, так что в душу ей закралось страшное подозрение.

— Вы имеете в виду слияние компаний? — сказала она и затаила дыхание.

Шестое чувство подсказывало ей, что Аристидис Манолис недооценивал Дэймона, когда строил планы на его счет.

— Не обязательно. Я подумываю о чем-то более личном. Ваша кухня — очаровательная

молодая особа.

— Не вижу связи, — сквозь зубы протянула Калли.

— Да? А я считал вас весьма проницательной.

Она удивленно на него взглянула, потом отвернулась.

— Анджела станет кому-то прекрасной женой, — сказал он. — В ней есть те качества, которые мужчины хотят видеть в спутнице жизни.

— Это какие? Покорность и желание угодить?

Уж она-то знала, чего хотят мужчины. Чтобы женщина исполняла все их капризы. Им было наплевать на желания самой женщины.

— Я хотел сказать, Анджела умная, приятная и щедрая. И по-своему красивая.

— Она для вас слишком молода, — выпалила Калли.

Он приподнял бровь.

— Каждый мужчина хочет, чтобы дома его ждала женщина.

— Уверена, вы можете без проблем найти женщину, которая будет вас ждать.

— Вы правы, но я говорю не просто о сексе. Я говорю о матери своих детей. Мужчина хочет передать свое имя, свои гены, свое состояние следующему поколению.

Калли уже привыкла к такому отношению к женщинам, и все же его заявление вывело ее из себя.

— Вам нужна кобыла для производства потомства.

— Не только. Мне еще нужно, чтобы женщина принимала гостей.

— А зачем вы это мне говорите?

— Ты умна. Мне интересно твое мнение.

Она, прищурившись, на него посмотрела:

— Ничего не выйдет. Анджела не хочет выходить за вас замуж. Она любит другого.

Дэймон только улыбнулся:

— Ей восемнадцать. Конечно, она воображает, что влюблена. У нее это пройдет.

— Вы не понимаете. У них настоящая любовь.

— В ее-то возрасте? Просто юношеское увлечение.

Калли открыла уже рот, чтобы возразить, но промолчала. Ведь сама она в восемнадцать была влюблена в Петро. Она тогда была гадким утенком и никак не могла прижиться в Греции. Все здесь было ей чуждо. Она с трудом поступила в университет и была жутко благодарна, когда

красавчик студент юридического факультета обратил на нее внимание.

Ему ничего не стоило соблазнить ее — застенчивую восемнадцатилетнюю девственницу. Калли уже мечтала о том, что они всю жизнь будут вместе, и тут дядя Аристидис предложил ее ухажеру деньги, и тот с удовольствием их взял и ушел к своей бывшей девушке, даже не оглянувшись.

— Калли? — баритон Дэймона вернул ее к реальности.

Она выпрямилась.

— Анджеला заслуживает того, чтобы выйти замуж за человека, которого любит.

— Только не говори, что веришь в романтику и вечную любовь.

— Верю, что она может быть у некоторых людей. У Анджелы, например.

Он только рукой махнул:

— Не вижу никакой проблемы. Твой дядя эту идею поддерживает. А любые ее сомнения мы все вместе преодолеем.

Калли знала, как умеет уговаривать и запугивать ее дядя. Она сама, когда была ровесницей Анджелы, попала на эту удочку.

— Нет. Вы не можете. Не должны.

— Не должен? С чего это ты вдруг мне указываешь?

— Когда женишься, связываешь себя на всю жизнь. Вы готовы остепениться и посвятить себя одной женщине?

— Ты передумала насчет нашего романа?

Он подошел к ней ближе так, что она уперлась спиной в перила.

— Нет, я просто...

— Просто решила, что не хочешь, чтобы кузина была успешнее тебя. Тебе ведь нравится быть в центре внимания.

— Это неправда!

Она никогда не стремилась быть заметной. В Анджеле она узнавала себя тогдашнюю — тихую и чересчур чувствительную.

— Анджеला не соперница, она...

— Мне это неинтересно, — перебил ее он, — хотя есть кое-что, что может заставить меня передумать.

— Да? — спросила она с надеждой.

Дэймон протянул руку к ее подбородку. Ее тело тут же отреагировало. Он очень медленно

провел пальцем ей по нижней губе.

— Приходи ко мне сегодня вечером, Калли. Подари мне одну ночь, и я откажусь жениться на Анджеле.

На его лице не отражалось никаких эмоций, от него исходила одна только воплощенная чувственность. Калли с изумлением ощутила, как воля ее слабеет под воздействием желания, перебороть которое она была не в силах. А потом мозг ее резко включился, она вырвалась и осторожно отступила, как будто ждала, что он сейчас набросится на нее.

— А если я этого не сделаю?

Улыбка исчезла с его лица, в глазах его блеснул гнев.

— Как ты думаешь?

— Я думаю, что вы непростой человек, Дэймон Савакис. — А она-то на секунду поверила, что и он тоже почувствовал — их связывает что-то особенное. — Вы играете в очень опасную игру.

— Никаких игр, Калли. Обычная сделка.

— Вы думаете, меня можно купить?

Он покачал головой:

— Не строй из себя невинную овечку. Тебе это не идет. Тебя уже покупали, помнишь? Когда ты вышла замуж за своего ныне покойного мужа.

Ей хотелось закричать, что это совсем другое. Она не знала тогда, какую совершает ошибку.

— Но вы просите меня... отдаться вам ради удовлетворения ваших причуд.

— Не надо мелодрам, Калли. Я не прошу тебя делать ничего, чего бы ты уже не делала раньше. И кстати, получила от этого удовольствие. — Он самодовольно улыбнулся.

— Дело не в этом! — Калли была в бешенстве. Больше всего злило ее то, что он был прав — она наслаждалась каждой минутой их близости.

— А в чем? Ты не хочешь, чтобы я женился на Анджеле. Я готов пойти на компромисс. Я возьму тебя вместо нее. Всего на одну ночь. Это все, что я хочу.

Да уж, на ней он жениться и не подумает. Ну и слава богу.

Он медленно окинул ее взглядом. Так, наверное, на аукционах в Древней Греции и Риме покупатели рассматривали рабов. И все же какая-то частичка ее души радовалась тому, что он ее хочет.

Она выпрямилась.

— Ты блефуешь.

— Я не трачу время на блеф. — Он помолчал, как будто оценивал ее настроение. — Завтра я уезжаю. Приходи ко мне сегодня ночью, проведи ее со мной, и я заключу эту сделку без свадебного контракта. Я даже позабочусь о том, чтобы семья Манолис получила свою долю

прибыли. Сегодня вечером. Я буду ждать.

— Долго же тебе придется ждать.

Его чувственные губы изогнулись в улыбке, от которой ей стало страшно.

— В таком случае с удовольствием посмотрю, как ты танцуешь на моей свадьбе.

Глава 5

Дэймон мерил шагами богато обставленное гостевое бунгало.

Она не придет.

Черт! А он ведь был на сто процентов уверен, что нашел наконец способ удовлетворить этот голод, сидящий где-то глубоко внутри, не дающий ему спать и работать. Он не привык проигрывать. Не мог даже вспомнить, когда в последний раз важные переговоры завершились не в его пользу.

Каллиста Манолис просто околдовала его. Такого с ним раньше никогда не было.

Казалось бы, она должна ухватиться за возможность прыгнуть к нему в постель и получить от него в подарок те дорогие безделушки, которые обычно дарят люди его положения. Но это было не в ее стиле. Она уже однажды выгодно вышла замуж и наверняка теперь снова искала таких же долгосрочных отношений и комфортной жизни.

Не считая тех моментов, когда она искала мимолетных развлечений с людьми, на которых особого внимания не обращала и, поиграв с ними, просто отбрасывала. Вот так она и его использовала на пляже. В процессе поиска удовольствия она была настолько раскована, что он бросился в эту страсть с головой, такого у него еще ни с кем не было.

Дэймон ощутил, как растет в нем раздражение. Сегодня за ужином на ней было платье, которое любого мужчину могло довести до безумия, оно едва прикрывало женственные изгибы ее фигуры. Он посчитал это признаком ее капитуляции.

А она, значит, просто так над ним издевалась.

Он вышел на террасу. Ему просто необходимо было глотнуть свежего воздуха. Распахнул стеклянную дверь и замер.

Она была там.

От облегчения у него перехватило дыхание. Он сам удивился силе своей реакции.

Сердце его учащенно билось, пока он смотрел, как она идет по дорожке, придерживая длинную юбку.

На груди и на запястье у нее блеснул огонь. На ней опять были бриллианты. И белое, как у древнегреческой богини, платье. А вот нижнего белья на ней, похоже, не было, по крайней мере, он очень на это надеялся.

У Дэймона зудели руки, так ему хотелось к ней прикоснуться. Но он не сдвинулся с места.

— Ты решила принять мое предложение. — Он ничем не выдал своих эмоций.

— Как я могла устоять? — губы ее при этих словах изогнулись в усмешке.

Она все еще притворялась, что ей это неприятно. Она что, вообще никогда не сдается?

Калли остановилась в нескольких метрах от него с высоко поднятой головой и выражением легкого презрения на лице. Но груди ее бурно вздымались и опускались.

Она не была такой холодной, как притворялась.

— А это что? — он пренебрежительно махнул рукой на ее платье. — Наряд девственницы, готовой принести себя в жертву?

— Вовсе нет. Ты ясно дал понять, что невинность тебя не интересует. Я думала, что привлекаю тебя именно своим обширным опытом.

Калли знала, какое она сейчас проявляет безрассудство. Мысленно она вся сжалась от ужаса. Больше всего на свете ей сейчас хотелось бежать. Все ее существо сопротивлялось этой хладнокровной сделке. На самом деле она была настолько неопытна, что на пальцах одной руки могла пересчитать, сколько раз она была с мужчиной. А теперь она станет на одну ночь игрушкой миллиардера! Но выбора у нее не было. Она должна была спасти свою кухню. Та не заслужила повторения ее судьбы. От этой мысли Калли как-то успокоилась.

— Ты выглядишь просто потрясающе, — пробормотал Дэймон. — Ты знаешь, как одеться, чтобы угодить мужчине.

Калли стало горько. Этот наряд, как и все ее вечерние платья, выбрал Алкис. Он всегда покупал дорогие вещи, слишком откровенно демонстрирующие его богатство и ее тело. Хоть ее муж и был импотентом, он любил выставлять ее напоказ полуголой на суд других мужчин. А потом сам же устраивал ей сцены ревности, когда они оставались наедине.

— Я подумала, это платье тебе понравится. — Почему нет? Ведь его интересовало только ее тело — так же, как и остальных мужчин.

— Скажи, — промурлыкал Дэймон, — а под ним у тебя что-нибудь есть?

Улыбка застыла на губах Калли. Это было совсем не так, как в прошлый раз. В воздухе повисло ощущение опасности. Она запаниковала.

— А ты бы предпочел, чтобы у меня там ничего не было? — Она сделает это, и Анджеला сможет спокойно выйти замуж за Нико. А сама Калли уж как-нибудь это переживет. После всего, что с ней в жизни было. Всего одна ночь. А потом она будет свободна.

— Мне нравится думать, что ты пришла ко мне голой под всем этим блеском и роскошью. Но это не важно. Уверен, ты найдешь способ меня удовлетворить.

У Калли горло сжалось от страха. Сколько еще она сможет притворяться, что ей все равно?

— Ты не пригласишь меня в дом?

— Конечно. Проходи.

Калли заставила себя войти. Она спасет Анджелу. Она так часто жалела, что много лет назад никто не остановил ее, когда она совершила самую страшную ошибку в своей жизни. Эта

мысль придала ей силы. Она замешкалась на секунду, потом за ней закрылась дверь, и снова по спине у нее побежали мурашки. Она облизнула губы. Дэймон посмотрел на ее рот, потом сказал:

— Выпьешь?

— Нет. Нет, спасибо. — Она не хотела длить эту муку.

Он остановился перед ней, приподнял бровь.

— Ты такая нетерпеливая, Калли. Мне это нравится. Очень.

Он приподнял ей подбородок так, что теперь она смотрела ему в глаза. Его взгляд обжег ее до пальцев ног. Может, все не так уж и плохо. Если он заключит ее в объятия, будет целовать ее с той же страстью, с какой уже целовал однажды, ей, возможно, удастся забыть о том, что она ему продается.

Но он опустил руку и отступил.

— Ты хочешь, чтобы я облегчил тебе задачу, да, Калли?

«Да!» — чуть не закричала она.

— Но ты так холодно со мной обращалась... думаю, пора тебе сделать первый шаг.

— Что ты задумал? — спросила она, заранее боясь его ответа.

— Теперь ты моя любовница. Уверен, ты что-нибудь придумаешь. Соблазни меня.

«Соблазнить его!» Она понятия не имела, с чего начать. Когда они занимались любовью, все было просто, так естественно, что она даже не помнила, как решилась ему отдаться.

Собравшись с духом, Калли осторожно протянула руку, чтобы коснуться его лица. Но он сделал шаг назад, сел на диван и принял расслабленную позу.

— Ну, давай, — сказал он.

Он что, думает, она ему сейчас стриптиз показывать будет? Злость накрыла ее с головой от этой явной демонстрации власти.

Но со злостью пришла решимость. Как же он похож на Алкиса, такой же самодовольный. Она вынула шпильки, придававшие форму прическе, и волосы ее волнами заструились по груди и плечам.

— И бриллианты. Я не хочу, чтобы ты приходила ко мне в бриллиантах, подаренных другим мужчиной.

Она стала презирать его еще больше от этого его требования. Калли расстегнула браслет и швырнула его на журнальный столик, потом сережки, подняла руки, чтобы расстегнуть кольцо. Дэймон пожирал ее взглядом. Она бросила кольцо на стол, сняла сандалии на высоченном каблуке.

А он так и не сдвинулся с места. Только смотрел на нее с огнем в глазах.

Как же он любит манипулировать людьми! Но она уже решила, что сделает это. И Калли опустилась на колени на диване рядом с ним. Не дав себе времени подумать, она нагнулась и поцеловала его. Он не сделал ни единого движения, не ответил на ее поцелуй. Она попробовала еще раз, на этот раз крепче прижалась к нему губами, дразня его рот языком. Он не открыл рот ей навстречу.

Калли стала медленно целовать уголки его губ, подбородок, ухо, ощутив его вкус, который она так хорошо помнила. Ее вдруг захлестнуло возбуждение, она прижалась к его шее, вдохнула его запах, и у нее закружилась голова. Она придвинулась к нему еще ближе, быстро расстегнула несколько верхних пуговиц у него на рубашке, коснулась его горячей кожи. На нее нахлынули воспоминания о том чувственном удовольствии, которое она получила в прошлый раз, когда была с ним, ей стало жарко.

Она снова поцеловала его, безмолвно умоляя его откликнуться на ее ласки. Ее желание все возрастало от близости к Дэймону, от его запаха, вкуса, гладкости его кожи.

Что-то было настоящее в том, что происходило между ними, когда они были вместе. И это что-то было сильнее разума и гордости. Когда Калли это поняла, она потеряла контроль над собой.

Дрожащими пальцами Калли лихорадочно расстегнула оставшиеся пуговицы на рубашке, обнажив его торс, и покрыла его грудь жаркими поцелуями. Повинуясь инстинкту, она лизнула его затвердевший сосок, потом втянула его в рот. Он содрогнулся, пока она гладила и ласкала его. Ей это только показалось, или сердце у него, правда, забилось чаще?

Он был такой большой, такой сильный, такой мужественный, что пульс у нее участился. Она помнила, как прекрасно и нежно он использовал свою силу, чтобы дарить ей удовольствие. По венам ее бежал огонь, она привстала, стала целовать его подбородок, потом настойчиво впилась ему в губы, вплела пальцы ему в волосы, удерживая его в плену, а сама дразнила его, искушала и безмолвно молила его, чтобы он ответил ей. Она так этого хотела.

Калли чуть наклонилась, снова ощутив, как скользят ее груди по его коже, и торопливо стала расстегивать пояс у него на брюках.

Его губы задвигались под ее губами, но на поцелуй он ей так и не ответил, а только протянул:

— Наконец-то.

От его тона Калли резко остановилась.

— Я уж думал, ты забыла, что ты должна доставлять удовольствие мне, а не себе. Надо тебе будет поработать над своими навыками, а то ведь я могу и передумать и не брать тебя. А жениться вместо этого на твоей юной кузине.

Эти его слова были как ушат холодной воды. У Калли мурашки по коже забегали. Всего за пару коротких мгновений она забыла, почему она здесь, забыла его требование, свою унижительную роль, забыла то, что была разменной монетой в деловом соглашении.

Она полностью утратила контроль над собой, а он...

Стыд, обида и ярость смешались у нее в душе в один сплошной комок.

Как такое могло случиться? За годы ее несчастий только умение себя безоговорочно контролировать придавало ей силы.

Он оттолкнул ее руки и быстро расстегнул ремень, потом Калли услышала звук расстегивающейся молнии. А потом он снова нетерпеливо откинулся на спину дивана.

В полутьме выражение его лица показалось ей знакомым. Также на нее смотрел Алкис, когда ругал ее и обвинял в неверности.

Что она делает?

Подумать только, она сгорала от желания, а он все это время испытывал одно только нетерпение от ее неопытных ласк.

Если она сейчас это сделает, перестанет себя уважать. А это последнее, что у нее осталось.

Она вскочила с дивана, ноги ее дрожали.

— Ну? — он вопросительно приподнял бровь. — Я жду.

Она приоткрыла рот, но не смогла издать ни единого звука, только смотрела, как он сидит с расстегнутыми штанами и ждет, пока ему доставят удовольствие.

Калли отступила на шаг, потом еще на шаг.

— Что ты делаешь? — Скука в его тоне уступила место резкости.

Ей стало страшно. И стыдно за то, что ее притягивал даже такой Дэймон Савакис — высокомерный и нетерпеливый.

Калли развернулась, открыла дверь, подобрала свою длинную юбку и побежала по дорожке. Она только что освободилась от гнета брака без любви и хладнокровного расчетливого мужчины. Она не могла добровольно отдаться еще одному такому же человеку.

Не могла.

Дэймон глазам своим не мог поверить, глядя на белую фигурку, бегущую по холму.

Он встал, пошатываясь, проклиная себя за то, что координация движений у него сейчас напрочь отсутствовала. Все его тело было настолько напряжено от возбуждения, что ему любое движение причиняло боль.

Черт! Да ему даже дышать было больно.

Будь проклят его язык и его сарказм. Желание показать свою власть.

Он скривился от ненависти к себе самому. Какая уж тут власть! Он весь обмяк под ее нежными чувственными прикосновениями. И только решимость заставить ее заплатить за все, что он натерпелся, дала ему силы не впиться ей в рот что есть силы и не обрушиться с ласками на ее тело.

Его гордость с самого начала не позволяла ему отвечать на ее поцелуи.

Он так крепко сжимал диван, стараясь сдерживаться, что у него онемели пальцы. Более того, он уже готов был сдаться. Она просто околдовала его. И тут как раз она стала возиться с его ремнем, и Дэймон испытал огромное облегчение. Хорошо еще, что она не опустила руку чуть

пониже, тогда бы он точно взорвался. Он с подросткового возраста не испытывал столь сильного возбуждения.

И это придало ему силы взглянуть на нее и откровенно соврать ей в лицо.

Он никогда не отдавал женщине власть над собой, и его до смерти напугало то, что одни только ее поцелуи и поглаживания довели его до такого состояния. Своими жестокими словами он попытался восстановить равновесие, вернуть себе контроль над ситуацией. И вот куда это его завело!

Просто невероятно! Впервые в жизни Дэймон сам себя переиграл.

На следующий день Калли вышла поздно. Она всю ночь не спала и целую вечность провела перед зеркалом с косметикой, чтобы скрыть свою бледность и припухлость век.

Неужели Дэймон уехал в Афины? Изменил планы и объявил о свадьбе с Анджелой?

Калли прикусила губу и резко остановилась на лестнице. Сердце сжалось у нее в груди, она почувствовала себя жутко несчастной. Она подвела Анджелу. Чувство вины жгло ее огнем. Несмотря на всю свою решимость и хваленое самообладание, она позволила Дэймону себя запугать и потерпела неудачу. Он наверняка так разозлился, что готов был разорить семью Манолис, и она теперь никогда не получит те деньги, которые украл у нее дядя.

Но это ведь всего лишь деньги. Калли найдет способ исполнить свою мечту, пусть и через много лет. Она сможет сама себя содержать и заглушит издевательский голос Алкиса в голове, который так часто повторял ей, что она ни на что не годна. Он принижал ее ум, ее способности, и ему почти удалось ее сломать. Но она докажет, что он был не прав. Докажет себе, что она чего-то стоит.

Мысль о том, что Анджеле придется жить в браке, которое разрушит ее счастье, ее душу, разбивала Калли сердце. А еще мысль о тете, у которой плохо с сердцем и которой очень нужен покой. У нее была возможность их всех спасти, успокоить человека, который держал их будущее в своих руках.

И она всех их подвела.

— Каллиста! — Голос дяди эхом отозвался в холле. — Вот ты где. Иди сюда сейчас же. Ты мне нужна.

Куча вопросов пронеслась в голове у Калли, пока она шла к кабинету дяди. Переступив порог, она резко остановилась, когда увидела, сидящего в кресле дяди Дэймона Савакиса. На лице его застыло непроницаемое выражение.

— Мы с Дэймоном выяснили все деловые вопросы, — сказал Аристидис Манолис, которому, похоже, было не по себе. — Осталось решить кое-какие вопросы личного характера.

— Личного?

Калли оглянулась в поисках Анджелы, но ее там не было.

Губы Дэймона изогнулись в улыбке, глаза его блеснули собственническим блеском.

Дверь за Калли закрылась с лязгом, словно это была тюремная камера.

Дэймон посмотрел на Калли, на ее напряженную спину и усталые глаза. Да она настоящая актриса.

Как будто она не знает, что ее дядя уже битый час его тут держит, пытаясь убедить его правильно поступить в отношении женщины, которую он скомпрометировал.

Дэймону стало противно при мысли об их тщательно продуманном заговоре.

А он-то всю ночь мучился угрызениями совести за свое вчерашнее поведение.

Он всю жизнь защищал женщин из своей семьи и прекрасно понимал, как ужасно он себя повел. И до самого утра ругал себя за свое высокомерие, глупость, свое проклятое эго. Ведь он так ее расстроил...

Он пришел в дом рано, ему нужно было ее увидеть. И вот тут он и узнал, что все это было спектаклем, разыгранным Манолисом и его племянницей, чтобы подставить его, Дэймона.

Манолис говорил с ним тоном разочарованного в госте хозяина и строгого опекуна. Он видел, как Калли вошла в дом вчера ночью. Она была расстроена, сказал он, и упомянул также, что на ней не было драгоценностей и туфель.

Для Дэймона это было в новинку. Никогда еще его собственные действия не доставляли ему неприятностей. Его совесть тут же услужливо напомнила ему, что с точки зрения света и собственной чести его поведение было достойно всяческого порицания.

Вот только Калли не была жертвой. Манолис пошел на все, чтобы заключить с ним сделку, толкнул дочь прямо к нему в объятия, а еще, в качестве запасного варианта, использовал грязный шантаж. С того самого момента, как Калли в слезах убежала от него, все было сплошным притворством.

Дэймон пришел в ярость. Надо было быть осторожнее, а он позволил желанию затуманить себе мозг. Он перебил Манолиса, который все продолжал говорить о разрешении ситуации. Дэймон обязательно ее разрешит, но не так, как хочет эта парочка.

— Я поговорю с вашей племянницей наедине.

Манолис попытался возразить, но Дэймон его перебил:

— Для дуэньи уже поздно. — Он задумался, была ли она когда-нибудь святой невинностью, уж очень она подходила на роль *femme fatale*. — Ваша племянница вдова, а не неопытный подросток.

Калли закрыла за дядей дверь. Она мало что понимала, но у нее было такое чувство, словно ее загнали в угол. Она повернулась к Дэймону:

— В какие игры ты играешь?

— Игры? Ты меня в этом обвиняешь?

— Что это за чушь про нашу свадьбу?

Дядя говорит это несерьезно. Не может этого быть. От одной этой мысли у нее кровь в жилах стыла.

— Что такое, Калли? Ты что, засомневалась? Или ты ждала, что я униженно плюхнусь перед тобой на одно колено?

— Я хочу знать, чего ты добиваешься!

— Если верить твоему дяде, я выполняю требования чести и долга и делаю из тебя честную женщину.

— Но ты ведь говорил о том, чтобы жениться на Анджеле.

— Да.

Ее руки сами собой сжались в кулаки.

— Ты не хочешь на мне жениться! Ты сам так сказал.

Он только молча смотрел, как она меряет комнату шагами.

— Я же не...

— Что? Не девственница? В наше время это не обязательно. К тому же наша сексуальная совместимость уже доказана.

— Брак — это не один только секс! — она повернулась к нему спиной.

— Скажи, а на чем держался твой предыдущий брак?

Калли резко развернулась.

— Мое замужество не твое дело, — прошипела она. — Я тебе даже не нравлюсь.

Замужество! Еще один властный мужчина! Только через ее труп.

— Поздравляю, Калли. Тебе прямая дорога на сцену.

— О чем это ты?

— Я знаю, что вы с дядей придумали этот заговор, чтобы захомутать богатого мужчину и спасти семейное состояние.

— Не было никакого заговора.

— То есть твой дядя совершенно случайно оказался в нужном месте в нужное время и увидел тебя в образе воплощенной добродетели? Да перестань, я не настолько глуп.

Она только головой покачала:

— Я не хочу за тебя замуж.

— Я тоже не хочу на тебе жениться. — Выражение лица у него вдруг изменилось. — Но я хочу тебя, Калли. — Голос его вибрировал от сдерживаемой страсти. — И теперь ты станешь моей. На моих условиях.

— Условиях?

— В моей постели. Но ставки только что выросли.

— Я не понимаю.

— После... тех неудобств, которые мне доставил твой маленький фарс, я решил, что одной ночи мне мало. Ты будешь моей любовницей, будешь приходить ко мне, когда я ни позову, и столько, сколько я захочу.

— Но мой дядя...

— Что? Он такой старомодный, что ему не понравится, что ты будешь жить со мной на правах любовницы, а не жены? Ну, вам двоим надо было подумать об этом прежде, чем вы попытались мной манипулировать.

— Я не...

— Не трать времени, Калли. Таковы мои условия. Прими их или смиришься с последствиями.

— Какими последствиями?

Он встал и подошел к окну.

— Думаешь, я тебе позволю выставить меня дураком, а потом спокойно уйти? Ты не настолько наивна. Я могу сломать твоего дядю на раз. Откажешься мне, и я займусь поглощением его компании. Я ничего не должен семье Манолис. Наоборот.

Калли широко распахнула глаза. Вид и голос у него был пугающий.

— Или я могу предпочесть милую Анджелу и сохранить твоему дяде хотя бы видимость достоинства. В любом случае ты проиграешь. Твой покойный муж оставил тебе самую малость, и от этих денег ничего уже не осталось. Может, он узнал, что ты не была идеальной женой.

— Ты что, собирал обо мне информацию?

— Так, немного посмотрел, какое у тебя сейчас есть имущество.

— Ну, — протянула она, хватаясь за остатки покидающих ее сил, — тогда ладно.

Он рассмеялся.

— Вижу, мы понимаем друг друга.

Он оперся рукой о стену, отрезав ей путь к бегству. Она чувствовала его тепло, его дыхание.

— Игры закончились, Калли. Поедем со мной. Сейчас, сегодня. Это единственный твой выбор.

И снова она ощутила панику. Ей некуда было бежать. Слишком обширен был ее опыт общения с безжалостными мужчинами, так что она ни на секунду не сомневалась, что Дэймон свою угрозу выполнит.

Калли содрогнулась. По крайней мере, Алкис не владел ее телом. А с Дэймоном у нее совсем не останется личной территории. Он был слишком сильным человеком, а то желание, которое

она к нему испытывала, могло полностью разрушить ее столь хрупкое чувство независимости и собственной значимости.

Единственная ее надежда заключалась в том, что долго это не продлится.

Она вдруг почувствовала в себе решимость и какое-то усталое смирение, выпрямилась и посмотрела ему в глаза:

— Ты обещаешь, что не станешь впутывать в это Анджелу?

— Обещаю.

Его глаза блеснули от удовольствия, и Калли подавила дрожь.

— Хорошо. Можешь наслаждаться мезтью. Я поеду с тобой.

— Я думала, мы поедим на большом пароме.

Дэймон расслышал в голосе Калли что-то вроде беспокойства.

Лицо ее ничего не выражало, словно маска.

Сам же Дэймон вот уже два часа, с тех пор, как она согласилась на его ультиматум, просто сгорал от нетерпения. Он был намерен по полной насладиться этой связью.

— Я что, похож на человека, который путешествует на переполненных паромех?

— Добраться до материка можно только так. Или на вертолете.

— А зачем, когда у меня своя яхта? На ее борту нам никто не помешает.

Дэймон медленно обвел ее взглядом с ног до головы. Светлые волосы, белая майка, светло-желтые брюки и сандалии без каблука. Она выглядела свежей и соблазнительной, и это ничего общего не имело с хитроумными заговорами. Она казалась... невинной.

Но вчерашняя ночь показала, какая она на самом деле. Она знала, как раззадорить мужское самолюбие и либидо.

— Но... — Калли замолчала и стала покусывать нижнюю губу. От этого ее легкого движения ему стало жарко. — Быстрее будет долететь до Афин.

— А кто сказал, что я хочу поскорее вернуться? — Дэймон окинул ее оценивающим взглядом. Мозг его наполнился горячими воспоминаниями. — Я жду этого неспешного путешествия с нетерпением.

Она моргнула, но ничего не сказала.

— Неужели «Цирцея» недостаточно для тебя хороша?

— «Цирцея» просто великолепна. Просто поразительно, что человек, одержимый поглощениями компаний и мезтью, умеет распознать истинную красоту. — Она повернулась и пошла вперед.

— И как только ты с таким острым язычком столько прожила в браке, Калли.

Она на секунду замерла.

— Я уже говорила — мой брак не твое дело.

— А почему ты не хочешь об этом говорить? Стыдно за то, как ты с ним обращалась? Только не говори мне, что страдаешь. Ты его явно не оплакиваешь.

Она гневно на него посмотрела:

— А ты, наверное, предпочел бы, чтобы я ходила в черном и заперлась бы в четырех стенах на всю оставшуюся жизнь? Неприятно, наверное, осознавать, что женщина в жизни может прекрасно обойтись и без мужчины.

— Ты признаешь, что не любила его? Поэтому ты вернула себе фамилию Манолис? Потому что он ничего для тебя не значил?

Ее взгляд стал еще более холодным, если это было возможно.

— Ты не сентиментальна? Не хочешь носить имя мужа? Не хочешь хранить воспоминания о человеке, с которым все эти годы делила постель?

Дэймон ждал, что она начнет оправдываться, но этого не произошло.

— Значит, — пробормотал он, — ты его не любила. Неудивительно, ведь он был настолько старше тебя. Лет на двадцать, да? Или больше?

— Тридцать пять.

— На тридцать пять... — Дэймон присвистнул. — Трудно, наверное, было заниматься любовью с человеком настолько старше тебя. Ты что, просто лежала и думала обо всех его деньгах, которые ты можешь тратить?

Она не пошевелилась. Интересно, что нужно сделать, чтобы вывести ее из равновесия? Он знал, что за этим ледяным фасадом скрывалась женщина из плоти и крови, чья страсть по силе могла сравниться даже с его собственной.

— Ты ничего о моем замужестве не знаешь, — сказала она. — Ты даже не оригинален в своих оскорблениях. Ты ничего такого не сможешь сказать о моем замужестве, чего уже не говорили бы. Ты меня не знаешь, — добавила она.

— Я знаю все, что мне нужно знать. Помню в мельчайших подробностях. Каждый вздох, каждый стон, каждый твой страстный отклик. Ты никак не могла мной насытиться.

Дэймон подошел к ней поближе, поднял руку, как будто хотел погладить ее по щеке, остановился буквально в сантиметрах от ее кожи.

Она наклонилась совсем чуть-чуть, как будто не в силах была устоять перед его прикосновением. Она тоже его хочет.

Скоро он получит то, чего так жаждет. И тогда, когда он насытится, он продолжит жить нормальной жизнью, свободный от этой опутывающей его паутины.

— Что бы ты там себе ни думал, не всех женщин, встречающихся тебе на пути, посылают исключительно тебе для развлечения.

— То есть вы еще на что-то годны? Кроме как болтовни, походов по магазинам и посещения благотворительных мероприятий?

Он бы сейчас так получил от своих сестер и матери, если бы они были здесь. Но он слишком занят был тем, что наблюдал за реакцией Калли на его намеренно возмутительное заявление. Он был решительно настроен вывести ее из себя.

Калли пригвоздила его к месту взглядом.

— Поздравляю. Надеюсь, в тебе есть все, чего следует ожидать от греческого магната. И даже больше. Спасибо, что предупредил. — С этими словами она развернулась и спокойно пошла вперед.

Дэймон с трудом сдержался, чтобы не засмеяться.

Маленькая бестия. Неужели она и правда думает, что своими словами может ужалить его? Но надо отдать ей должное, она не отступила и не стала дуться, когда он бросил ей вызов. Она посмотрела ему прямо в глаза и сказала, что думает. Знает ли она, как сильно это привлекает?

Чем больше времени он проводил с Калли, тем больше она его заинтриговывала.

Она была не просто сексуальной партнершей. Она была тайной, которую он намерен был разгадать.

Глава 7

Палуба двинулась под ногами у Калли. Она рефлекторно сменила позу, приноравливаясь. И все же она запаниковала, но тут же попыталась взять себя в руки.

Дэймон и так уже думает, что она беспринципная пустышка. Она не позволит, чтобы он считал ее еще и трусихой. Ей под силу справляться с этой фобией, пока они не окажутся на материке.

А ведь когда-то ей так нравилось быть на борту таких красавиц, как «Цирцея». Тогда она любила и была любима. И будущее казалось ей светлым.

— Наконец мы одни.

Калли повернулась и увидела, как Дэймон смотрит на нее сквозь зеркальные очки. Она сжала губы.

— Проведешь для меня экскурсию? — Если она будет занята, может, ей удастся побороть самый сильный свой страх.

— Конечно. Пойдем.

Он пошел к лестнице, на ходу стягивая рубашку. С голой грудью он выглядел так, как тогда, когда она впервые его увидела. У Калли тут же в горле пересохло. Если бы только он был таким, как она сначала подумала, — щедрым и нежным. Человеком, которому она могла доверять.

— Ты часто один плаваешь?

— Нет. Обычно на «Цирцее» полным-полно членов моей семьи.

— Семьи? — Калли застыла на верхней ступеньке лестницы. Не может быть, чтобы он был женат!

— Я старший из пяти детей и последний из всех холостой.

— Потрясающе, — выдохнула она, рассматривая роскошный интерьер, в котором сочетались очарование старого мира и современная функциональность.

— Я рад, что ты одобряешь. — Как ни странно, никакого сарказма в его голосе не было.

Он снял темные очки и, прищурившись, ее разглядывал. Она с удовольствием впитывала в себя окружающую ее обстановку. Как бы ей хотелось когда-нибудь получить заказ на создание интерьера вот такой яхты. Может, в будущем, если ее бизнес будет успешным...

— Единственная на сегодняшний день жалоба поступила от моей матери. Что в духовке на яхте не помещается тройная порция мусаки.

— Твоя мама плавает с тобой? — Это не вписывалось в ее представление о Дэймоне.

Он пожал плечами и улыбнулся. Это была первая его искренняя улыбка, которую она видела со дня их знакомства на берегу. Тело ее тут же на нее отреагировало.

— Это в крови. У нас в семье очень много рыбаков.

— Тогда и твой отец должен любить ходить на яхте.

Он весь напрягся, и она тут же поняла, что переступила какую-то черту.

— Мой отец умер. Пойдем, я покажу тебе остальное.

Дэймон в смятении наблюдал за закатом солнца.

Поведение Калли не вязалось с тем, чего он от нее ожидал. Как только она вошла на борт, она тут же сняла сандалии, чтобы не портить дерево палубы «Цирцеи». Она явно чувствовала себя на яхте как дома.

А вот грации в ее движениях явно поубавилось, они стали какими-то скованными. В нем почти уже заговорила совесть, но он ее заглушил, подозревая, что это какой-то очередной трюк.

Теперь же яхта была пришвартована у крохотного острова. Дэймон ее уже с час не видел. Она готовила им поесть внизу.

В каюте царил полумрак. Он сбежал вниз по лестнице. Сердце его бешено стучало. Еда может и подождать. Он шагнул вперед и чуть не упал — Калли сидела, сгорбившись, на полу в полумраке, прижавшись к стенке, обняв руками колени.

— Калли? — хрипло сказал он.

Она никак не признала его присутствие. Только смотрела сквозь него невидящим взглядом и слегка покачивалась.

Что-то было не так.

Он присел с ней рядом, коснулся ее руки. Она была ледяная.

— Калли, что случилось?

Он поднял руку. Щека у нее была холодная, и по ней текли слезы. Вот сейчас она точно не притворялась.

Тепло. Ее окружало тепло.

А ей было так холодно. С того самого момента, когда Дэймон так спокойно заявил, что они поплывут на яхте. Пока ледяные пальцы, наконец, изо всех сил не сжали ей сердце. Калли пыталась быть сильной, заставила себя взобраться на палубу и сделать вид, что все в порядке.

В последний раз она была на яхте в четырнадцать лет, когда...

Калли сильнее прижалась к замечательному теплу, которое было ей сейчас так нужно. Если бы только она могла изгнать из памяти воспоминания.

Смутно она понимала, что этот холод появился задолго до того, как она взшла на борт этой яхты. Он проник ей в сердце, когда Петро использовал ее, а потом предал. Когда Алкис держал ее в рамках пародии на брак, которая исключала нормальное человеческое общение. Она содрогнулась от боли. Боли потерь и предательства. Она так долго держала эту боль глубоко внутри.

— Ты в безопасности. Все в порядке. — Эти слова пробились сквозь туман ее страданий.

В безопасности. Как это чудесно! Тепло усилилось, стало ее обнимать. Она с благодарностью в него окунулась. Легкие ритмичные движения словно укачивали ее тело. Постепенно мышцы ее расслабились, а на место сильнейшего напряжения пришла тупая боль. Она так устала.

Прошло какое-то время, прежде чем она поняла, что чья-то рука гладит ее по спине. А под самым ухом ее мерно бьется сердце.

Дэймон.

С огромным трудом Калли попыталась осознать, что происходит вокруг. Он держал ее в объятиях, и, к ужасу своему, она поняла вдруг, что никогда не захочет покидать эти объятия.

У Калли перехватило дыхание. Наверное, он нашел ее там, где силы ее оставили. Ей нужно было перевести дух. С ней никогда раньше такого не было. При мысли о том, что он нашел ее в таком состоянии, сердце у нее бешено застучало.

— Калли? — Рука замерла у нее на спине, потом он снова стал ее гладить, успокаивая.

Она на секунду задумалась, может, притвориться, что она ничего не слышала. Но она не могла показаться такой трусихой.

— Да? — напряженно прошептала она.

Вдруг по его телу прошла легкая дрожь, она услышала, как он выдохнул. Интересно, от облегчения или раздражения?

Наверное, он пришел, ожидая, что она подарит ему свое тело.

Калли ужаснулась этой мысли. Она еще не готова.

— Что случилось? — голос его прозвучал на удивление мягко.

Калли нехотя открыла глаза. Они были в хозяйской каюте.

У нее перехватило дыхание, и она резко отстранилась.

Его кровать. Его любовница. Его удовольствие.

За этим он пришел, чтобы по-настоящему завершить их сделку.

Несмотря на всю свою решимость выполнить обещанное, Калли претила мысль о хладнокровном совокуплении, которого он потребовал вчера вечером.

— Ничего не случилось, — услышала она свой голос словно издалека.

— Ты всегда садишься на пол, чтобы всплакнуть от души, да? Что такое, Калли? Что случилось?

Он обхватил рукой ей подбородок и большим пальцем стер слезы с ее щеки. При этом в его жесте не было ничего сексуального, он просто... пытался ее утешить.

— Только не засыпай.

— Я совсем не хочу спать. Я не знаю, что со мной такое. — Она сама испугалась дрожи в голосе и попыталась встать.

Он без особых усилий ее удержал.

— Ты поранилась?

— Нет. Ничего такого. Я просто...

— Что просто? Тебе придется мне сказать. Я никуда не уйду, пока не узнаю правду.

Губы Калли изогнулись в усмешке. Как будто ему есть дело до правды. Он предпочитает собственное искаженное представление о людях.

— Я... не люблю яхты.

— У тебя морская болезнь?

Она покачала головой:

— Значит, дело в другом.

— В детстве я часто выходила в море.

— А потом?

Она тяжело вздохнула, понимая, что ей придется сказать.

— Мои родители погибли на яхте в шторм к северу от Сиднея. Они поспешили на помощь

другой яхте. И обе они затонули. Никто не выжил.

— Сколько тебе было лет?

— Четырнадцать.

Так много времени прошло, а она помнила все, как сейчас. Может, ей бы не было так больно, если бы она смогла попрощаться с родителями. Но дядя увез ее в Грецию, заявив, что на похоронах она только еще больше расстроится.

— Мне жаль, — искренне сказал он.

Калли повернулась и посмотрела ему в глаза.

Она думала, что он только посмеется над ее детскими страхами, но во взгляде его было только сочувствие.

— Спасибо.

Калли отвела взгляд. Наверное, она себе воображает эту глубокую связь между ними. Это все из-за того, что она так расклеилась.

— Надо было тебе сказать мне прежде, чем мы взошли на борт.

Она пожала плечами. Ей это даже в голову не пришло. Ее опыт подсказывал ей, что мужчины редко считались с такой мелочью, как женская нервозность. Да и откуда ей было знать, что она так отреагирует? Она думала, что справится с собой, но, видимо, сказало напряжение последних дней. Требования, которые все время предъявлял к ней Дэймон, оживили в ней воспоминания о несчастливом замужестве, обо всех ее страданиях.

— Почему ты мне не сказала?

Она повернулась. Выражение лица у него было искреннее, но это ничего не значит.

Калли дрожащей рукой вытерла слезы. Как же она ненавидела себя сейчас за эту слабость!

— А зачем мне давать тебе еще одно оружие, которое ты сможешь использовать против меня?

У Дэймона дыхание перехватило. Она это серьезно!

Она, правда, думает, что он может пасть так низко? Использовать ее страх, ее горе, смерть родителей в своих собственных интересах? Одно дело — сыграть на ее желании не дать ему сойтись с ее кузиной, другое дело — влезать ей так глубоко в душу. Он слишком хорошо помнил, как сам потерял отца, с каким трудом пережили это его мать и сестры.

Дэймон жестко вел дела, но он был честным человеком.

То, что Калли была столь низко о нем мнения, задело его гордость.

С какими мужчинами ей доводилось общаться в жизни, раз она могла такое подумать? Ее дядя был меркантильным эгоистом. А еще с кем? С мужем? С мужчинами, которых она знала, когда была замужем? Он вдруг разозлился, в нем проснулось желание ее защитить.

А еще он засомневался в ультиматуме, который он ей поставил, чтобы она пришла к нему в постель.

Хотя, логически рассуждая, он просто сыграл по ее правилам. Она получила то, что заслужила.

И все же его пробрала дрожь, подозрительно напоминающая чувство вины.

— Иди сюда. — Голос его прозвучал чуть резче, чем он сам того хотел.

Он отдернул с кровати покрывало и посадил на нее Калли, а потом уложил ее туда. Он быстро скинул ботинки, лег рядом и притянул ее к себе так, что ее голова оказалась у него на плече.

Ему хотелось о ней позаботиться, ей сейчас так нужно было тепло.

Она, напрягшись, лежала в его объятиях.

Прошло бесконечно много времени, и, наконец, она пошевелилась.

А потом он понял, что она расстегнула верхнюю пуговицу у него на рубашке и взялась за следующую.

— Перестань! — он сжал ей руку и отклонился, чтобы видеть ее.

Она была бледна, глаза казались просто огромными. Но в ней появилась вдруг какая-то решимость.

— Что ты делаешь? — потребовал он ответа.

Она посмотрела на его руку. Он тут же почувствовал, как дрожат ее тонкие пальцы, и осторожно погладил их.

— Выполняю свое обещание, — едва слышно сказала она. — Я обещала, что буду твоей любовницей.

— Я знаю, что ты обещала, — прорычал он и резко отдернул руку. Она была сейчас такой уязвимой, что напоминание об их сделке было ему неприятно.

Калли не может думать, что он потребует, чтобы она отдалась ему здесь и сейчас, в таком состоянии.

Она удивленно на него уставилась. Дэймон притянул ее поближе и уложил ее голову к себе на плечо, чтобы ему не надо было смотреть в ее печальные глаза.

Чувство вины жгло его огнем.

— Закрой глаза и поспи, Калли.

Глава 8

— Какой красивый у тебя дом! — воскликнула Калли.

Они были на крошечном острове у бассейна, за ним раскинулось море, а еще дальше вдали темнел материк.

Если бы только она была здесь одна.

Она почувствовала, что он за ней наблюдает. И снова у нее возникла иллюзия той странной глубокой связи между ними, как в самый первый раз.

— Я рад, что тебе нравится. Я думал, он не в твоём вкусе.

Дэймон широким жестом обвел особняк у них за спиной. Это был любовно восстановленный дом с историей, с длинными окнами и ставнями во всю высоту стен, черепичной крышей и изящными балконами.

— Так же, как ты думал, что мне не понравится «Цирцея»?

— Я был не прав.

Калли моргнула. За годы брака она ни разу не слышала, чтобы Алкис признал свою ошибку.

— Мой вкус сильно отличается от вкуса дяди.

Наверное, он считает, что она унаследовала любовь Аристидиса к чрезмерному украшательству, равно как и его хитрость и беспринципность.

— Я начал это замечать.

Она вздернула подбородок.

— Разочарован?

— Заинтригован.

Неудивительно, ведь она устроила ему такое шоу, когда не справилась со своими эмоциями. Но, к изумлению Калли, он никак этим не воспользовался. Когда она проснулась утром после бессонной ночи, то обнаружила, что Дэймон ночью сплавал на материк и договорился о том, чтобы за ними прилетел вертолет.

А когда она попыталась выразить ему благодарность, он только отмахнулся, как будто ничего и не сделал. Более того, он отверг ее неловкую попытку заняться с ним любовью. Вместо этого он просто сжимал ее в объятиях, пока она не заснула. От этих воспоминаний у нее потеплело на душе.

Так что же все-таки за человек этот Дэймон Савакис?

— Твоя семья всегда жила на этом острове? — попыталась она завязать вежливую беседу.

Это лучше, чем выносить на себе его внимательный взгляд.

По крайней мере, пока он только смотрел. Сегодня утром ей, краснея от стыда, пришлось объяснить, что у нее раньше времени начались месячные. Дэймон и глазом не моргнул. Видимо, привык к таким разговорам с жившими у него любовницами.

Ей не надо было улаживать его в постели. Пока.

— Нет. Мы родом с юга. С Пелопоннеса.

— Тогда почему здесь?

— Я плавал сюда и знаю этот остров. Отсюда легко добраться до Афин на вертолете или даже на моторной лодке.

— Ты каждый день едешь в Афины?

Он оставлял ее одну на целый день в окружении своих ненавязчивых слуг. Наверное, работал все это время. Сначала он собирался взять несколько выходных, но, видимо, передумал, когда узнал, что его новая любовница пока не может заниматься с ним сексом.

Тем самым он ясно указывал ей на ее место в его жизни.

— Я езжу сюда на выходные. У меня дом в Афинах. Я подумал, тебе здесь понравится. Тут так спокойно.

Он приехал сюда, чтобы она могла отдохнуть и набраться сил?

Она покраснела от благодарности.

— Я... Спасибо. Это очень мило...

— К тому же, — продолжил он, прервав ее неловкие извинения, — я хотел посмотреть, как продвигаются дела с пристройкой к дому.

Калли сжала губы. То ли ему не нужна ее благодарность, то ли она удачно вписалась в его планы. С Дэймоном ни в чем нельзя быть уверенной.

— Я всегда лично слежу за всеми важными делами.

— Поэтому ты приехал к дяде, когда собирался вступить во владение его компанией? Ты лично ведешь все сделки?

— Но это была не просто сделка. Это личное.

— Личное?

Он медленно к ней повернулся. Она содрогнулась, когда увидела, какое у него лицо.

— Он тебе не сказал? Мой дед и отец работали на верфях Манолисов. Мой отец погиб на работе в результате несчастного случая.

— Мне жаль.

Он опять лишь плечами пожал:

— Тогда твой дядя стоял во главе компании. И его адвокаты позаботились о том, чтобы моя мать не получила никакой компенсации. Ей едва хватило, чтобы за похороны заплатить.

Калли ахнула. На ее дядю это похоже. Жалость к рабочим была ему чужда. А вот ее тут же начали мучить угрызения совести. Своим поведением Аристидис запятнал репутацию компании, которую помогал строить ее отец. Он запятнал честь их семьи. Неудивительно, что Дэймон ожидал от них и от нее тоже только худшего.

— И когда ты завладел «Манолис индастриз», это ты так отомстил?

Он молча кивнул.

— И давно ты вынашиваешь этот план?

— С того самого дня, когда адвокат запугал мою мать и заставил ее отказаться от причитающейся ей компенсации.

Значит, все это ради мести? Руки у нее задрожали. Так вот, значит, почему он так ее добивался. Вся ее благодарность и теплота улетучилась перед лицом такой расчетливости.

— Я тебе не нужна. Ты просто ищешь справедливости.

— Нет, Калли. Да, я хочу наказать виновных. Но не обманывайся. Тебя я тоже хочу.

Через восемь дней Дэймон вышел из вертолета, на котором только что прилетел на виллу.

Как всегда, ему не терпелось увидеть Калли.

Сегодня он завершил сделку с ее дядей. Вопреки первоначальному плану Дэймон выплатил Манолису более чем щедрое вознаграждение. Его мучила совесть при мысли о робкой улыбке Анджели и том, как Калли беспокоилась за свою кузину. Вместо того чтобы обобрать эту семью до нитки, он дал им больше, чем было нужно.

Он поморщился.

Члены его семьи всегда говорили ему, что он слишком сильно заботится об их благополучии, а теперь он из кожи вон лезет, чтобы обеспечить материально женщин своего заклятого врага! Но он уважал искреннее беспокойство Калли за родных. Да и Анджеला с матерью не должны были расплачиваться за поведение Манолиса. Странно, как после стольких лет, когда он лелеял планы мести, реальность вмешалась в них, скорректировала.

И все же он был доволен своим решением.

Он даже решил спасти остатки «Манолис индастриз» и встроить компанию в структуру своей огромной империи, чтобы она снова начала приносить прибыль. Только дурак откажется от предприятия с таким внутренним потенциалом.

Он пошел вверх по лестнице, стгорая от нетерпения.

Он не видел Калли с рассвета, когда он держал ее в объятиях и ничего не делал, чтобы удовлетворить пылкое желание снова ей обладать. Вот уже неделю он держался от нее на расстоянии, настаивая лишь на том, чтобы она делила с ним ложе.

Каждая ночь была для него подобна пытке, но он не собирался отказываться от удовольствия спать с ней в одной постели. Хотя как раз спал-то он совсем мало.

Его просто поразила ее реакция тогда на «Цирцее». Он и понятия не имел, насколько она уязвима.

А еще не ожидал, что почувствует себя настолько виноватым. Как будто, невзирая на шантаж со стороны Калли и ее дяди, он опустился до их уровня, когда силой навязал ей свою волю.

Хотя то, что она расстраивалась из-за гибели родителей, не извиняло ее поведения во взрослой жизни, того, как она нашла себе богатого муженька и как она попыталась обманом заставить Дэймона на себе жениться.

Просто она оказалась не так проста, как он думал, и в сердце у нее были сомнения и страхи, как у всех нас.

Но теперь он не хотел, чтобы Калли пришла к нему из-за страха за свою кухню. Он хотел, чтобы она пришла к нему, потому что она его хотела.

Он подошел к дверям хозяйских апартаментов и услышал звук льющейся воды.

Мышцы паха у него тут же мучительно напряглись, а воображение во всех подробностях нарисовало ему Калли. Темно-медового оттенка волосы спускаются ей на плечи и на спину. А бедра, живот и груди ее блестят от воды. Рука намыливает нежную чувствительную кожу...

В горле у него застрял полный предвкушения стон.

Дэймон протянул руку и толкнул дверь.

Глава 9

Калли затянула на талии пояс мягкого халата. В эти восемь дней, проведенных в роскошном поместье Дэймона, у нее была куча времени, чтобы подумать.

Ей претило то, как он вынудил ее согласиться уехать с ним. Но время от времени она видела, что он ведет себя очень по-доброму. Он изо всех сил постарался о ней заботиться, когда ей было плохо, а ведь он считал ее врагом. Она даже понимала теперь, почему он подумал, что она сговорила с дядей и помогала ему.

А еще ее ослепляло сильнейшее желание. Особенно по ночам, когда он сжимал ее в объятиях, прижимаясь к ее спине или положив к себе на грудь. Каждое утро, проснувшись, она видела, что они крепче друг к другу прижались во сне. Его бедро оказывалось у нее между ног, рука на ее груди, ее губы на его теплой шее.

Пребывая в ужасе от того, как ее тело его принимало, она притворялась спящей до тех пор, пока он не вставал и не шел в душ, не начинал собираться на работу.

Когда придет время и он потребует от нее секса, возмутит ли это ее? Или она с радостью раскроет ему свои объятия?

Или у нее просто путаются мысли из-за сегодняшней новости? У нее состоялся долгий разговор с адвокатом, в ходе которого она узнала, что о ее трастовом фонде все еще нет никаких вестей и все ее планы на самостоятельную жизнь откладываются на неопределенное время.

Калли сжала зубы и стала сильнее тереть волосы полотенцем.

Нет! Она не сдастся. Как только она освободится от Дэймона, она найдет работу и начнет копить деньги.

Руки Калли замерли, когда в поле ее зрения появилась пара мужских ног.

Она медленно подняла голову. Темные брюки, руки небрежно засунуты в карманы, аккуратная

талия, плоский живот, мощная грудь, верхние пуговицы рубашки расстегнуты, а на губах застыла улыбка.

Взгляд у Дэймона был такой горячий, что щеки у нее тут же заалели. Он как будто шептал: «Ты моя». Слова были не нужны. Его собственническое выражение говорило само за себя.

Калли выронила полотенце и нагнулась за ним.

Он сделал шаг вперед, и она тут же попятилась, выставив мокрое полотенце.

— Ты сегодня рано, — нервно прошептала она, ощущая поднимающуюся внутри панику.

Калли твердила себе, что сделает это, как бы холодно и требовательно он к ней ни отнесся. Но между теорией и практикой лежала целая пропасть. Она не могла сохранять спокойствие, чтобы удерживать его на расстоянии, и не могла заглушить радостное предвкушение его ласк.

— Да. Я хотел тебя видеть. — Он расстегнул рукава рубашки. — Я думал о тебе с самого обеда.

Соски у нее тут же затвердели и напряглись. Она скрестила руки на груди, как будто это могло остановить ее реакцию.

— Я... тоже хотела тебя видеть, — выпалила она, не сводя глаз с его длинных пальцев, ловко справляющихся с пуговицами на рубашке.

— Да?

— Да. Привезли мои вещи. Те, что я оставила у дяди.

Он кивнул, потом стянул с себя рубашку и бросил ее на корзину с бельем.

Калли попыталась сосредоточиться на рубашке, но не смогла. Голая грудь Дэймона притягивала ее взгляд как магнит — загорелая, с темными волосками. Все тело ее напряглось, когда она вспомнила, как эти волосы щекотали ей соски, когда она с ним двигалась в унисон.

— Вещей много. — Дыхание у нее прервалось, она отвела взгляд.

Дома в Америке у нее больше не было, а дядя так на нее разозлился из-за того, что она сломала ему все планы и ему не удалось выдать Анжелу за Дэймона, что отказывался хранить ее вещи у себя.

— Ничего.

Дэймон подошел ближе, взявшись за ремень брюк. Калли отступила, пока спиной не почувствовала стену.

— Их сложили в спальне в дальнем конце коридора. Я подумала...

— Я же сказал, все нормально. Можешь оставить там свои вещи сколько захочешь. И комнатой можешь пользоваться, как своей. — Он помолчал. — Вот только спать ты будешь со мной.

Огонь в его глазах явно свидетельствовал о том, что он сейчас думал совсем не о сне. У Калли было такое ужасное чувство, как будто, если она сейчас подпустит его к себе, никогда уже больше не сможет воздвигнуть ни единого барьера между ними.

— Ты в душ? — пробормотала она. — Я только полотенце повешу и уйду, не буду тебе мешать.

Калли повернулась, пошла к сушилке для полотенец и споткнулась. Все ее хваленое спокойствие улетучилось. Она потуже затянула пояс халата, как будто саму себя хотела убедить в том, что она в безопасности. Она уже повернулась, чтобы уйти, отчаянно пытаясь придумать что-то, что могло бы отвлечь Дэймона от секса, и тут застыла от звука льющейся воды.

Калли резко развернулась.

Дэймон успел снять с себя все, что на нем было.

Калли видела его спину, крепкие плечи, бицепсы, мощные ноги и круглые ягодицы. Она словно выросла в пол, не в силах отвести от него взгляд. Она уже и забыла, как он прекрасен. А вот тело ее не забыло и отреагировало на эту картину очень живо.

Ей надо было бежать. И как можно скорее.

Она наконец-то поняла, что боится она не Дэймона Савакиса, а собственной предательской слабости.

— Калли.

Одно это слово, обещающее неземное блаженство, подорвало ее решимость.

Он стоял перед ней, голый, без тени смущения. Дэймон Савакис в состоянии крайнего возбуждения представлял собой незабываемое зрелище.

У Калли задрожали коленки.

Не сводя с нее взгляда, он протянул руку, оторвал край упаковки презерватива и быстрым уверенным движением надел его. Было что-то невероятно эротичное в том, что он был готов любить ее. И ее лоно защекотало от желания. Он посмотрел ей в глаза. И она вся растаяла под его взглядом. Он словно оставил на ней свой отпечаток, разбудил те чаяния, ту жажду, которую она давно уже задвинула поглубже в подсознание.

В ней поднялась волна паники. Увидит ли она когда-нибудь ту же жажду в его глазах, когда она на нее смотрит?

Сейчас он смотрел на нее не холодно и не расчетливо, в глазах его таилось то теплое приглашение, на которое она откликнулась тогда в самый первый раз. Перед этим обещанием она никак не могла устоять.

— Калли, — прошептал он, протянул руку и развязал ей халат.

Она услышала его вздох, когда халат ее распахнулся.

Калли не терпелось, чтобы он коснулся ее, взял ее.

Она попыталась вызвать в себе негодование при мысли о том, что ее вынуждают заняться с ним любовью. Вместо этого она ощущала только радостное предвкушение интимной близости с Дэймоном. Так же как и в первый раз. Просто волшебство какое-то.

— Ты этого хочешь?

Долгие секунды прошли, прежде чем она поняла, наконец, о чем он ее спрашивает.

— Калли. Ты хочешь меня?

Он спрашивает ее? Он совсем ее не заставляет. На нее давило только собственное желание. Дэймон давал ей власть, возможность сказать «нет». Он сделал это ее решением! Калли подавила рыдания от нахлынувших на нее противоречивых чувств. Завтра она об этом пожалеет. Но сейчас правда заключалась в том, что она хотела этого не меньше, чем он.

— Калли!

Он отступил на шаг, побледнел, сжал руки в кулаки. Она чуть в голос не закричала, когда он стал от нее отдаляться.

— Пожалуйста, — прохрипела она. — Да.

Этого оказалось достаточно. Он тут же подошел к ней вплотную, спустил халат ей с плеч так, что он упал к ее ногам.

Глаза его лихорадочно блестели, когда он рассмотрел ее всю от макушки до пят. Инстинктивно Калли рукой прикрыла грудь и бедра там, где они смыкались. Но она больше не стеснялась, не была такой, какой была последние двадцать пять лет.

Дэймон изменил ее так, что обратного пути уже не было.

Бедром он раздвинул ей колени, мягко подтолкнул под теплый душ, погладил ей руки, плечи. Там, где он ее касался, словно искры пробегали. У нее дух перехватило от этих ощущений. Ей казалось, что это самое лучшее, что только бывает на свете, что так и должно быть.

— Дэймон, — вырвалось у нее, это короткое слово напоминало мольбу, в которой слилась потребность в нем и удивление от силы собственного желания.

Калли ухватилась за его скользкие плечи в поисках поддержки. А еще ей отчаянно хотелось к нему прикоснуться. Она жаждала его силы, мощи, его способности удовлетворять тот голод, который жег ее изнутри. Больше не осталось и мысли о принуждении или шантаже. То, что происходило между ними, было в чистом виде первобытным желанием, связывающим мужчину и женщину.

— *Glikia tou.* — Дэймон целовал ей шею, ключицу, а она вся дрожала под его губами.

— Я хочу тебя. — В этих словах была свобода, которую она никогда не надеялась испытать.

Калли вплегла пальцы в его мокрые волосы и притянула его к себе. А когда он раскрыл рот ей навстречу, она забыла обо всем на свете. Губы его чувственно задвигались. Языком он ласкал ее губы, медленно и эротично, дразнил ее и дарил удовольствие одновременно. Калли закрыла глаза. Темноту перед ней разрывали яркие всполохи по мере того, как их поцелуи становились все более страстными. Она потерлась о грудь Дэймона, которой он так мощно прижимал ее к стенке. Дэймон издал низкий раскатистый рык и крепко ее обнял. Она чувствовала его всем телом. Он притягивал ее к себе все ближе, пока не притиснул ее живот к своей твердой как сталь плоти.

Внутри у нее все потеплело, она готова была его принять.

— Дэймон, пожалуйста.

Он был ей нужен.

Калли почувствовала вдруг, как вода льется ей на грудь и живот, и распахнула глаза. Дэймон все еще ее обнимал, но отступил на шаг. Калли потянулась к нему, ей было наплевать на то, что она сейчас молит его о любви.

Он посмотрел на нее черными как обсидиан глазами, и она на секунду перестала дышать, потому что с трудом его узнала. В его выражении не осталось нежности, одна только жажда, по силе сравнимая с ее собственной. У Калли сердце сжалось, когда она увидела смесь боли и удовольствия в его взгляде. Она протянула к нему руку, хотела поцеловать его, но он уже упал перед ней на колени, обхватил ее за талию и стал сосать ей левую грудь.

Ее полный экстаза стон эхом отдался от стен душевой, ей казалось, что она сейчас в обморок упадет от наслаждения. Она вся выгнулась навстречу его губам, языку. Радость пронзила все ее существо, и она задрожала. Потом он стал эротично покусывать и целовать ее талию и живот. Силы совсем покинули Калли, и она слишком поздно поняла, что он задумал. Он руками раздвинул ей ноги. Калли распахнула глаза, когда ощутила его горячее дыхание у себя между ног.

— Нет! — она дернулась вперед и наткнулась на его застывший взгляд. — Не надо.

На секунду ее мозг отказался работать, парализованный при виде Дэймона, стоящего перед ней на коленях.

— Нет?

Калли покачала головой и инстинктивно толкнула его плечи.

— Я не... — она замолчала под его взглядом. Наверное, она выглядит совсем уж неуклюжей по своей неопытности. — Я никогда в жизни не...

Его взгляд проникал ей прямо в душу, вокруг них отовсюду стекала вода. Выражение лица у него было непроницаемое.

— Тогда позволь мне.

Он всего секунду подождал ее ответа, но у нее словно язык к небу приклеился.

А потом было уже слишком поздно. Дэймон нагнулся и прижался губами к самой интимной части ее тела. На нее тут же нахлынули ощущения, такие сильные и острые, каких она никогда еще не испытывала.

Ногти Калли вжались в ладони, когда он стал выписывать огненный путь экстаза по самым сокровенным ее глубинам. Она вся задрожала и прижалась к нему, совершенно сбита с толку тем, какие сильные ощущения он ей дарил. Снова и снова. Она не могла дышать, не могла думать. Смогла только прислониться к плитке, пока в ней бушевало пламя, вызывая у нее самые изысканные реакции. Она никогда даже и не думала...

— Дэймон. Пожалуйста... — Ее крик оборвался, когда удовольствие вдруг обрушилось на нее раскаленной лавиной.

Коленки у нее подогнулись, пока на нее одна за другой накатывали волны радости.

Она вся содрогнулась и осела, насытившись, дрожа от отголосков оргазма. В голове у нее все смешалось от этого потрясающего нового опыта, который он подарил ей.

Как в тумане, она почувствовала, как Дэймон подвинулся, обнял ее, его теплое крепкое тело прижалось к ней. Она вся расслабилась в его руках.

— Спасибо, — прошептала она, уткнувшись ему в плечо, когда по ее телу снова прошла легкая дрожь.

— Пожалуйста, мне было приятно.

Но он не дал ей провалиться в сон. Через секунду он обхватил ртом ее сосок и стал сосать его, и по телу Калли словно разряд электрического тока прошел, слившись с эхом недавнего оргазма. Она дернулась в его объятиях.

— И это еще не закончилось, — сказал он, руками обхватил ее за талию и приподнял ее.

Калли посмотрела в его глаза, в которых застыл лихорадочный блеск. Он нахмурился, сжал губы, сосредоточившись. Потом подошел поближе, оказался под ней.

— Подними ноги, — хриплым, почти неузнаваемым голосом приказал Дэймон.

Ухватившись ему за плечи, Калли подчинилась, обвила ногами его бедра, а он мучительно медленно опускал ее, пока тела их не соединились.

Дыхание у нее перехватило, она изумленно ахнула. Она думала, что насытилась, но даже тот ослепительный экстаз не удовлетворил ее так, как сейчас, когда они слились воедино.

Калли прижалась к нему. Она была вся открыта ему, стала с ним одним целым. В ней росли и множились эмоции, вытесняя страх, обиду и одиночество. Она хотела подарить ему такое же наслаждение, какое он подарил ей. Она хотела дать ему...

И тут вдруг все ее мысли выветрились от его мощных толчков. Инстинктивно она прижималась все ближе к нему, чтобы встречать каждое его движение ответным движением ему навстречу. Он скользнул руками по ее бедрам и сжал ее, зубами нежно прикусил ей шею так, что в венах у нее кровь стала закипать.

Калли уже начала закрывать глаза, но тут краем глаза она увидела тень движения на другом конце комнаты. Там стена была зеркальная, и в ней отражался Дэймон, воплощенная мужская сила, ягодицы его сжимались с каждым мощным движением внутри ее. Его темные бедра обвивали бледные ноги, бледные пальцы сжимали его широкие плечи. Один последний мощный толчок, и пламя страсти с головой захлестнуло их обоих. Плоть Дэймона жарко запульсировала в ее теле, и ее мышцы сократились, словно поощряя его усилия.

Ощущения словно взорвали воздух, когда их накрыло экстазом.

Она крепко сжала его в объятиях, сердца их громко стучали в унисон, оргазм бился в их телах, словно связывая их воедино. Калли познала мгновения чистой, незамутненной радости, потом сознание ее стало отключаться.

Нежные и сильные руки обернули ее мягким полотенцем, голос промурлыкал ей в ухо:

— Расслабь ноги, Калли.

Она опустила ноги, но стоять не могла. Он прижимал ее к себе, и сердце его стучало так же сильно, как и ее собственное.

— Извини, — пробормотала она. — Я никак не могу...

— Все в порядке, Калли тоу...

Она приподняла веки, чтобы посмотреть на Дэймона, на лице которого она прочла нежность, удивление и еще что-то.

Губы ее изогнулись в улыбке, на нее снизошел редкостный покой. Она прижалась лицом к его груди.

А потом мир словно уплыл куда-то, а с ним и все тревоги Калли.

Глава 10

Калли проснулась одна.

Судя по свету, проникающему в комнату из-под края занавески, было раннее утро. Она провела рукой по кровати, ощутив тепло тела Дэймона и его запах.

На нее тут же нахлынули воспоминания. В эту долгую ночь они были любовниками. Если верить ее противоречивым чувствам и совершенно сбитому с толку мозгу. То, что у них было, было больше чем просто секс. В их слиянии была такая нежность, щедрая теплота, которая сразу же перенесла ее в те волшебные послеполуденные часы на острове, когда весь мир казался ярче, потому что в нем был Дэймон. Когда впервые в жизни было такое чувство, что все правильно.

Неужели она опять обманывается?

У нее болели мышцы, которые никогда раньше не болели. Все тело было расслаблено. И все же в жилах у нее кипела безудержная энергия. Ей хотелось выпрыгнуть из постели и танцевать, забраться на вершину горы и там кричать от радости.

Калли уставилась на пустую подушку рядом с собой. Что это значит?

Это значит, что он получил что хотел, а теперь готовился к новому дню жизни, в которой ей места не было. Эта мысль была для нее подобна холодному душу.

Изменилось лишь то, что на этот раз вместо того, чтобы удовольствоваться одними только объятиями и терпеть неудовлетворенность, он по полной насладился ее телом. Несколько раз. Она ничего для него не значила. Она лишь источник физического удовольствия, особую пикантность которому придавала возможность отомстить таким образом семье Манолис. Теперь он мог быть собой доволен.

Долгие годы она вот так же укрепляла самолюбие мужа. Но Дэймон намного опаснее Алкиса. Он слишком близко подобрался к ней настоящей. А особенной прошлая ночь показалась ей лишь из-за гормонов и запретных фантазий. Нельзя позволять всему этому туманить ей разум. Ей нужно сделать то, что так хорошо получалось у Дэймона, — отделить секс от эмоций. Держать чувства под замком. Он, например, никогда бы не стал вот так думать и мечтать о ней

посреди дня.

И она будет сильной. Дэймон никогда не узнает, как глубоко он затронул ее душу. Как на короткое время он снова разбудил в ней наивные девичьи мечты о том, как она всю жизнь будет вместе с идеальным мужчиной. Мужчиной, который был таким заботливым и нежным, когда ей было плохо. Нежным, но сильным и неотразимо привлекательным в постели. Этот мужчина позволил ей контролировать ситуацию, дал ей право выбора. Но все это было лишь игрой воображения. На самом деле никакого выбора не было. Она угодила в ловушку. Она была очарована им, не в силах устоять перед ним. И он это знал.

Мужчина, который ей так нравился, не был Дэймоном. Она выдумала этого мужчину. И надо ей хорошенько это запомнить.

Калли пойдет своим путем в жизни, как только у нее появится такая возможность. Она будет зарабатывать и копить, пока ей не удастся открыть свое дело. Тогда почему глаза ей жгли слезы, когда она проводила рукой по пустой подушке? Почему губы у нее дрожали и она с трудом сдерживала рвущееся из груди рыдание?

Дело не в интимной близости. Сила, привязавшая ее к Дэймону, сильнее всякого шантажа. Ей нужна нежность мужчины, который никаких чувств к ней не испытывал.

Калли будет сопротивляться. Она больше не будет жертвой.

Дэймон тихо насвистывал, вытирая волосы полотенцем. Даже ледяной душ, который был ему жизненно необходим, чтобы сдержать его либидо хотя бы на время, не испортил ему настроение.

Она принадлежала ему. Наконец-то Калли принадлежала ему. И она была такой восхитительной, какой он ее и помнил. И даже больше. Никогда ему не было так хорошо и радостно на душе после ночи, проведенной с любовницей.

Он на секунду замер, когда вдруг подумал, что Калли не такая, как все женщины, которые были у него раньше.

Он проигнорировал это соображение. Это просто результат сногшибательного по силе сексуального удовлетворения. Ему даже не хотелось вылезать с утра из постели, он готов был махнуть рукой на все свои деловые встречи. Но ведь Дэймон гордился своей силой воли. Вдруг он подумал, что от обладания Калли получил намного больше удовольствия, чем от поглощения «Манолис индастриз».

Эта женщина значила для него больше, чем та цель, из-за которой он много лет назад начал заниматься бизнесом.

Не может такого быть!

Он быстро оделся, стараясь больше об этом не думать. Как получилось, что его интерес к бизнесу за последние год-два упал, а теперь желание к этой женщине вообще пересилило желание работать. Нет! Он не склонен проводить всю жизнь с одной женщиной. Еще не время заводить семью. И как только Калли сумела оправдать все его ожидания, при этом его удивить? В некоторых вещах она почти невинна. Разве такое может быть? После стольких лет замужества? После того как легко она пришла к нему в первый раз? Нет, это все продуманная тактика. Она так его соблазняла. И все же он замер на секунду, когда вспомнил выражение ее

лица в душе, когда он стоял перед ней на коленях, — легкий испуг, смешанный с возбуждением.

Она вела себя как неопытная девственница. Но он точно знал, что она от этого очень далека.

Он быстро застегнул рубашку и потянулся за расческой.

Неужели она опять его провела? Разве она не знает, что он хочет ее такой, какая она есть? Ее настоящую. Он был человеком прямым, и с ним не нужно было играть никакие роли. Он ждал от нее честности. Неужели он просит слишком многого?

— Не надо притворяться, что ты спишь.

Голос Дэймона раздался слишком близко. Калли надеялась, что Дэймон не станет ее будить. Ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями, прежде чем она сможет посмотреть ему в глаза.

Может, он хочет позлорадствовать? Мужчины любят пышно праздновать свои победы.

На несколько секунд она даже поверила, что с ним все может быть по-другому. Она открыла глаза. Он стоял рядом с ней, полностью одетый, высокий, темноволосый и такой красивый, что просто дух захватывало.

В горле у нее застрял комок. Ей хотелось ощутить вкус его горячих губ и прикосновение рук на своем теле.

Правда, его слова мгновенно ее отрезвили.

— Каждое утро ты притворяешься спящей, когда я ухожу. Этого больше не будет.

Чувство вины обожгло ее, но она ничего не сказала.

— Я не позволю, чтобы меня игнорировали. Особенно в моей собственной кровати. И после вчерашней ночи.

Калли отодвинулась от края кровати и натянула одеяло, прикрывая голую грудь. Дэймон подошел поближе.

— Ты могла бы поцеловать меня на прощание перед тем, как я уйду на работу.

Но по его глубокому голосу и тяжелым векам она сразу поняла, что на уме у него не только поцелуи. Он опять ее хочет. В свете дня это ее пугало. Его страсть легко сметала защитные барьеры, которые она выстроила за эти годы. Она делала ее уязвимой.

— Это часть работы любовницы? — дерзко спросила она в ответ.

Его плечи тут же напряглись, а уголки губ опустились от недовольствия.

— После того, что у нас было, ты не хочешь меня поцеловать? — его голос прозвучал неожиданно холодно и даже гневно.

— Нет.

Сопротивляться Дэймону было просто бесполезно, ведь больше всего на свете ей хотелось растаять в его объятиях и унести с ним в тот волшебный мир, который они с ним открыли вместе. Она оглянулась в поисках халата, не нашла его, завернулась в одеяло и встала на колени.

Дэймон теплой ладонью накрыл ей щеку. Калли потянулась к нему. Она хотела этого не меньше, чем он. Сердце у нее забилось чаще в предвкушении.

— Так-то лучше, — пробормотал он. — Только давай без ложной скромности.

Он взялся за одеяло у нее на груди и потянул его вниз. Она в ужасе ухватилась за одеяло.

— О чем это ты?

— Не притворяйся настолько невинной. Не надо играть в такие игры, чтобы меня собой заинтересовать.

— Я не играю в игры. Не понимаю, о чем ты.

Дэймон сел на кровать и рукой обхватил ее за подбородок, чтобы она не могла от него отвернуться.

— Ты ведешь себя так, будто ты ни одному мужчине не показывалась голой.

— А что, это преступление, что я стесняюсь оголяться?

— Я только хочу сказать, что ты можешь не притворяться. Я знал, с кем имею дело, когда взял тебя в любовницы.

— Не понимаю...

Он продолжал гипнотизировать ее:

— Вчера ночью ты притворилась, что у тебя никогда не было орального секса. Что ты вообще во многих вещах неопытна.

Калли было неловко. Ей хотелось отвернуться, но прятаться было бессмысленно.

— Так уж получилось, что у меня его не было.

Шокированное выражение на лице Дэймона было бы смешным, если бы не было таким оскорбительным.

За кого он ее принимает? Ах да, за беспринципную даму из высшего света, которая только ходит по магазинам и заводит бесчисленные романы. Последние крупинки радости от занятий любовью с Дэймоном растворились и исчезли. Так ей и надо. Это был мираж, и ничего больше. Лучше посмотреть правде в глаза прямо сейчас.

— Я же тебе сказал, нет нужды притворяться святой невинностью. Если я захочу, чтобы ты играла в игры в постели, я тебе скажу. А пока не надо врать. Мне это не нравится.

— Я не вру. — Голос у нее задрожал от возмущения. — Я сделала то, что ты хотел, так? Этого вполне достаточно. Твое отношение оскорбительно, — процедила она сквозь сжатые зубы.

Ей было больно оттого, что после всей интимности прошлой ночи, он совсем ей не доверял. Правильно она подумала, что это был просто секс.

Проблема в том, что этот секс был таким потрясающим. Особенным. Наверное, у Дэймона со всеми любовницами бывает такое. И ничего особенного для него в этом нет.

— Мое отношение? — он поднялся и навис над кроватью. — Думаю, тебе надо сначала подумать над своим.

— По-твоему, мне нужно почитать книгу «Этикет любовницы»? Похоже, я какое-то неписаное правило нарушила. И не говори мне, что я тебя не удовлетворила. Удовлетворила. Несколько раз.

Даже если она и не совсем компетентна в постели, он был настоящим экспертом в этом деле, и она думала, что ее страстность была ему приятна так же, как и в первый раз на пляже. Очевидно, она ошиблась.

— Что ты хочешь сказать? Что тогда на пляже я соблазнил невинную овечку? И это после того, как ты была шесть лет замужем? Я не верю в сказки, Каллиста.

Его тон стал последней каплей. Он еще и полным именем ее назвал, прямо как ее дядя. В ней поднялась вся боль, страдания, которые ей довелось испытать за годы ее несчастливого брака. Тем более что всю эту боль она держала в себе.

Она разозлилась — не просто разозлилась, она пришла в ярость.

Калли повернулась и спокойно, и нарочито взбила подушки у себя за спиной.

— Я не говорила, что пришла к тебе девственницей. Этой чести удостоился другой мужчина.

«Как мало для этого первого мужчины значила ее невинность».

— Но я не настолько распутная, как ты думаешь. Мой сексуальный опыт не такой уж... разнообразный и большой. У меня давно уже не было любовника.

— Любовник... муж, не надо играть словами.

— Я хочу сказать... — она замолчала и посмотрела ему в глаза. — Мой муж был импотентом. Наш брак так и не стал настоящим. Но я была верна своим клятвам. В отличие от женщин, с которыми ты, очевидно, общаешься, я никогда не заводила любовников, пока была замужем.

Повисла пауза.

— И ты хочешь, чтобы я в это поверил? — голос его прозвучал хрипло.

Похоже, ей все-таки удалось вывести его из равновесия.

— По правде говоря, Дэймон, мне нет дела до того, что ты думаешь. Ты обвинил меня во лжи, и я просто вношу сейчас ясность.

Пусть думает что хочет. Ей уже все равно. После стольких лет, когда ее считали охотницей за богатством, а муж обвинял ее в неверности, приятно было наконец-то сказать правду.

Может, начать все заново проще, чем ей казалось. Эта мысль придала ей силы.

— Похоже, я тебя не удовлетворяю, Дэймон. Так что, пожалуй, нам нужно расторгнуть нашу сделку. — Она искоса на него взглянула. У него был такой вид, будто он испытал сильнейшее потрясение за всю свою жизнь. — Я дала тебе то, что ты хотел, — продолжила она. — Я выполнила свою часть соглашения. — Она откинулась на подушки. Как только она отсюда уедет, как только она освободится от опутывающих ее щупалец желания к Дэймону, она начнет новую жизнь. — Я уеду сегодня.

Спутанные волосы обрамляли ее лицо, ниспадали ей на грудь и голые плечи. Сидя в постели, завернувшись в одеяло, она не должна, не может иметь над ним такую власть.

Но выглядела она сногшибательно: такая сексуальная и в то же время суровая.

Его либидо просто зашкалило. Он никогда не встречал такой женщины — решительной, требовательной, жесткой, при этом нежной и соблазнительной.

Интересно, она говорит правду? Интуиция подсказывала ему, что она не врет. Что он безжалостно преследовал женщину, которая, хоть и не была невинной, далека от опытной сексуальной партнерши, за которую он ее держал. Это не отменяло ее стовора с дядей и первого брака по расчету. Хотя, если за все время ее замужества она не была в постели с мужем, это, возможно, объясняло ее завораживающий энтузиазм в том, что касалось физического удовольствия.

Но это радикально меняло ситуацию.

Требовал ли Дэймон от нее слишком многого? Слишком быстро? Он был ненасытен и полностью выпустил на волю желание, которое так долго сдерживал. И все же, не считая пары моментов, когда она явно сомневалась, она была жадной до любви. Настолько жадной, что от одной мысли о ней в своей постели он готов был взорваться.

Он не мог ее отпустить. Пока не мог.

— Ты никуда не пойдешь. — В голосе его прозвучало сильнейшее желание.

Калли посмотрела на него, как настоящая искусительница. Она точно его околдовала. Он не мог дышать, вспоминая прошлую ночь, глядя на нее сейчас — дерзкую и соблазнительную.

— Извини, что?

— Я сказал, ты не уйдешь.

Она удивленно скривила губы. Неужели она всерьез думала, что уйдет, проведя в его постели всего одну ночь? Она крайне наивна или играет в очень сложную игру.

Он стал мерить комнату шагами, пытаясь усмирить свою совесть и свои сомнения.

— Это не тебе решать.

Он повернулся к ней. Она сидела, напряженно выпрямившись, надменно подняв подбородок, сверкая глазами. В груди у него зашевелилось какое-то незнакомое ему до этого чувство.

— Разве?

— Но я ведь выполнила свои обязательства!

Он посмотрел на ложбинку между ее грудями, и ему стоило огромного труда оторваться от нее и снова посмотреть ей в глаза.

— Ты должна быть моей любовницей столько, сколько я захочу. — Он подошел к кровати. — А я все еще этого хочу. Одной ночи недостаточно даже для залога. Обсудим твой отъезд через несколько месяцев.

И почему ему так нравится ее дразнить?

— Жаль. — Калли прищурилась и откинулась на спинку кровати. — Мне одной ночи вполне хватило. Я тебя не хочу, — сказала она, но голос ее прозвучал чересчур беззаботно. — Я никогда тебя не хотела. А твое эго не даст тебе силой оставить в своей постели женщину, которая тебя не хочет.

— Лгунья. — Он уронил галстук на пол. Конечно, она его хочет.

Она распахнула глаза.

— Ты меня не убедила, Калли. Ты не уйдешь.

— Почему нет? Ты опять пригрозил, что будешь волочиться за моей кухней? Ты очень любишь угрозы, да?

Дэймон покачал головой. Он не хотел становиться зятем Аристидиса Манолиса.

— Не нужны никакие угрозы, принцесса. Дело не в Анджеле. Это касается только нас с тобой.

Она тяжело сглотнула, наблюдая за тем, как он идет к кровати.

— Ты меня хочешь. Ты хочешь остаться здесь со мной. — Он широким жестом обвел комнату, а другой рукой расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, потом еще одну и еще.

Губы у нее приоткрылись, а глаза стали глубокого изумрудного оттенка.

— Что ты делаешь? — теперь ее голос точно дрогнул. Взгляд тоже ее выдавал.

— Что я делаю? Доказываю, что ты не права.

Возбуждение вспыхнуло в нем с новой силой, когда он вспомнил, как она сказала, что он был у нее единственным мужчиной за шесть лет. Как будто она берегла себя только для него.

Дэймон снял рубашку, залез на кровать и медленно стал придвигаться к Калли. Она все еще с аристократичным презрением сверкала на него глазами в ответ. Но он-то знал, что сердце у нее такое же голодное до страсти, как и его собственное. Эта мысль сильно возбуждала.

Сердце его бешено забилося, когда он оседлал ее бедра и ощутил под собой ее тепло. Дэймон вдохнул аромат ее кожи, знойный запах секса.

— Ты не заставишь меня передумать, — выпалила Калли, но грудь ее бурно вздымалась и опускалась.

— Ты хочешь меня, Калли, правда?

Она покачала головой.

Он мог просто целовать ее, и целовать до тех пор, пока она не сдастся. Но ему этого было мало. Он хотел услышать эти слова. Ему нужно было знать, что она хочет его так же, как он ее хотел.

Он навис над ней и, не касаясь ее руками, прижался открытым ртом к чувствительной точке на ее шее у плеча. Она дернулась под ним. Дэймон провел по этой точке языком и был вознагражден — Калли задрожала. Он повторил ласку. Она задышала очень часто.

— Скажи это, любовница. Скажи, что хочешь меня.

Калли попыталась отодвинуться. Он сунул руку под одеяло и обхватил ее теплую пышную грудь.

Мышцы паха его мучительно напряглись. Он засомневался, что сможет медленно и упорно ее соблазнять при том, что гормоны его настойчиво советовали ему поторопиться.

Он сам себя не узнавал, когда бывал с Калли.

Дыхание ее сбилось, когда он проложил дорожку из поцелуев от ее плеча обратно к шее.

— Скажи это, Калли, или уходи. — Он подвинул руку, кончиком пальца выписывая круги, все ближе подбираясь к ее соску.

Она ахнула, когда он потянул за него.

Этот ее вздох, ощущение ее кожи под пальцами, ее запах — все это моментально довело его до точки кипения. Он думал, что это станет эротической пыткой для нее, но и для него это было сплошное мучение.

— Я...

— Да, Калли?

Он снова поцеловал ее в ключицу, потом в шею.

— Ты... нужен мне, Дэймон.

Сердце у него замерло, когда она стала нежно ласкать ему грудь, живот, потом скользнула пальцами еще ниже.

Дэймон жадно прижался губами к ее губам, окунулся в нее, как моряк, благополучно вернувшийся домой после долгой и опасной одиссеи. Он думал, что испытает чувство триумфа от ее капитуляции. Вместо этого его захлестнула доселе незнакомая ему нежность.

Глава 11

— Спасибо за гостеприимство, Дэймон. Наша встреча была очень плодотворной. Приятно было познакомиться, Калли. Я с удовольствием отплачу вам той же монетой, когда вы придете ко мне домой.

Калли улыбнулась:

— Мне тоже очень приятно было познакомиться, Пауло.

На этом деловом обеде в живописной гавани Микролимано в Афинах Дэймон проявил себя как

вежливый и внимательный хозяин, а еще очень хороший бизнесмен.

Богатые предприниматели и их спутницы не торопились уходить. Все они ценили мнение Дэймона и его дружбу.

— На здоровье, — улыбнулся Дэймон. — Мы с удовольствием воспользуемся твоим приглашением.

Они что, поедут в Бразилию? Калли искоса взглянула на Дэймона.

— Мне надо будет через пару месяцев съездить в Южную Америку, — сказал он.

Они были вместе уже несколько недель. И это совсем не походило на наказание, их отношения были взаимным удовольствием. Калли то радовалась, то пугалась страстности натуры, которую пробудил в ней Дэймон. Но она уверена была, что столь сильная страсть тускнеет со временем. Ведь именно поэтому Дэймон не остановил свой выбор на какой-то одной женщине, так? Потому что в конечном счете все женщины ему наскучивали.

Но он говорил о планах на ближайшие месяцы.

Сможет ли она провести с ним столько времени без урона для своего внутреннего мира? Ей уже хотелось большего. Хотелось понять сложного мужчину, который дарил ей такое удовольствие в постели, но оставался для нее загадкой за ее пределами.

— И ты привезешь Калли? Отлично, — просияла Мариана, темноволосая красавица жена Пауло. — Тогда я смогу показать тебе места, о которых рассказывала.

Улыбка Марианы была искренней, и Калли невольно улыбнулась в ответ.

— Это она о магазинах, — театрально простонал Пауло. — Она меня по миру пустит.

Мариана повернулась, игриво стукнула его по плечу, потом чмокнула в щеку.

Калли вдруг ощутила укол зависти. А ведь она думала, что целиком и полностью разочаровалась в институте брака, насмотревшись на несчастливые пары. Но Мариана и Пауло...

— Тебе там понравится, Калли, — вывел ее из задумчивости голос Дэймона. — У Пауло роскошный дом. А еще мы навестим мои курорты.

Он думает, ей это надо? Она открыла рот, чтобы возразить, но он как раз протянул руку и заправил ей волосы за ухо, потом пальцем провел по щеке и приподнял ей подбородок. Как будто собирался ее поцеловать.

В животе у нее потеплело, когда она вспомнила, как он касался языком ее языка, как ее захлестывало желание.

— Идем, Пауло, нам пора. — Мариана понимающе заулыбалась, а Пауло ухмыльнулся:

— Хорошо, женщина. У нас ведь еще и у самих дела есть, да? — Он так повел бровями, что Калли с трудом сдержала улыбку.

Он подвел жену к двери каюты роскошной яхты.

— Кстати, Дэймон, а та собака все еще у тебя?

— Что я буду делать с собакой? Я все время в разъездах.

— Но она же не умерла? — расстроено спросила Мариана.

— Конечно нет. Ведь Дэймон тогда взял ее под крыло.

Калли заинтригованно на них смотрела.

— Какая собака?

— Просто щенок, — коротко сказал Дэймон. — Он пострадал в автокатастрофе.

— Бедняжку дрессировали, чтобы она стала собакой-поводырем, — пояснила Мариана. — И тут ее задела машина, несущаяся на огромной скорости. Мы ехали следом, и Дэймон остановился помочь.

— И потратил не один час на поиски хорошего ветеринара и на то, чтобы договориться с хозяевами собаки, — добавил Пауло.

— Договориться?

— Они хотели ее усыпить, — резко сказал Дэймон. — Только потому, что ей ампутировали ногу. Я ее забрал.

Мариана по-матерински потрепала Дэймона по плечу.

— Не просто забрал. Ты приютил бедное животное у себя. А еще открыл новую школу собак-поводырей, когда узнал, сколько людям придется ждать, чтобы получить такую.

Калли заворуженно смотрела, как побагровели щеки Дэймона. У него был смущенный вид.

— Ты всегда стараешься сделать так, чтобы восторжествовала справедливость, отсюда все твои благотворительные проекты.

— Ты, как обычно, преувеличиваешь, Пауло. Ты бы сделал то же самое.

— Так где же все-таки собака?

Дэймон пожал плечами:

— Она понравилась моему племяннику. Они подружились. Только он настаивает на том, чтобы приводить собаку на яхту. А уследить за тем, чтобы четырехлетний мальчуган и трехногая собака не соскользнули с мокрой палубы непросто.

Пауло похлопал Дэймона по плечу.

— Я знал, что ты не избавился от собаки. Жалко только, что ты не такой мягкий, когда мы с тобой ведем переговоры.

— Чтобы ты меня обобрал? Ну конечно.

Они распрощались, и Дэймон повел гостей на берег.

Калли задумалась. Может, Дэймон и умел быть жестким, умел добиваться своего, но в нем была какая-то нежность. Ведь он утешил ее тогда на «Цирцее».

Ну, какой самолюбивый магнат станет баловать женщину, которую уложил к себе в постель при помощи шантажа? Или возьмет раненого щенка? Или станет финансировать центр обучения собак-поводырей? Она его не понимала. Она считала его жестоким, безжалостным, думала, что им движет одно только желание мести и вкус к чувственным развлечениям. Но он был совсем не так прост.

Она смотрела, как он возвращается на яхту, и ей вдруг ужасно захотелось его узнать получше.

— Что имел в виду Пауло, когда сказал, что ты пытаешься сделать так, чтобы всегда торжествовала справедливость?

— Пауло преувеличивает.

Дэймон посмотрел на нее так, что на душе у нее тут же потеплело, она почувствовала себя уязвимой и зачатила:

— Ты доволен сегодняшним обедом? Твоей встречей?

Он пожал плечами:

— Переговоры прошли хорошо. Встреча на яхте, а не в офисе обеспечила приятную смену обстановки. Да и дизайн новой яхты вызвал всеобщий интерес. — Он окинул взглядом каюту.

Калли помнила, как хорошо Дэймон смотрелся на борту «Цирцеи».

В глубине души она хотела снова оказаться с ним на море. Ей вдруг показалось на мгновение, что при поддержке Дэймона она сможет справиться со своими страхами.

— А ты, Калли? Ты хорошо провела время? — его вопрос застал ее врасплох. Похоже, ему было искренне интересно ее мнение.

— Было весело. Они хорошие люди.

Сегодняшний обед понравился ей больше всех светских событий и приемов, на которых она побывала за время замужества.

— Ты сегодня была в центре внимания, — пробормотал Дэймон. — Особенно сильное впечатление ты произвела на мужчин. Они все мне завидовали.

Так вот почему он ее пригласил сегодня. Ей бы следовало догадаться.

Он попросил ее развлечь женщин разговорами, пока мужчины говорили о делах, а потом поухаживать за его гостями за обедом. Ей приятно было, что Дэймон ценил ее помощь. Наверное, он ее уважает, хотя бы за ее манеры и умение держаться в обществе.

Но блеск в его глазах говорил совсем о другом. Она тут же вспомнила, с каким интересом на нее сегодня смотрели мужчины, как те, кто пришел без спутницы, из кожи вон лезли, чтобы привлечь ее внимание. Значит, Дэймон просто выставлял напоказ свое самое последнее приобретение. Свою новую любовницу.

— По-моему, Рафаэль попробовал бы тебя у меня увести, если бы у него была такая

возможность.

У нее внутри все перевернулось. Она только попробовала на вкус независимость после смерти Алкиса, а теперь опять угодила в сети мужской власти.

— Ты была здесь самой красивой женщиной.

Калли не питала иллюзий по поводу собственной внешности. Привлекательность ей придавало врожденное чувство стиля, умение правильно выбирать одежду, хорошая осанка. Шесть лет муж тешил свое эго, наряжая ее как куклу и таская ее за собой по бесконечным приемам. Так что последнее, что ей было нужно, — это комплименты по поводу внешности. Они будили в ней слишком уж горькие воспоминания.

Она резко развернулась и залпом выпила бокал шампанского, к которому почти не притронулась за обедом. Всего несколько месяцев свободы, и она уже забыла свое место в жизни богатого мужчины.

— Мы что-то празднуем? — раздался прямо у нее за спиной теплый бархатный голос Дэймона.

Она задрожала, расслышав в его голосе приглашение. Он стоял так близко, что она чувствовала его тепло и мускусный запах. Он провел ей сзади по шее губами, потом еще раз, и она растаяла. Невзирая на весь свой гнев, она вся задрожала от его ласки.

— Нет, мне просто захотелось пить.

Он положил руку ей на плечо.

— Что такое, Калли?

— Пусть я твоя любовница, но мне не нравится, когда из меня делают дешевку.

— Дешевку? — он гневно прищурился. — Тебя кто-то оскорбил? Кто?

Калли покачала головой:

— Никто. Я имела в виду, ты пригласил меня только для того, чтобы показать всем, что у тебя новая игрушка.

В глазах Дэймона горел огонь, но голос его прозвучал очень мягко.

— Ты думаешь, я поэтому тебя пригласил?

— А почему еще? До сих пор мое место было в твоей постели. А теперь ты радуешься тому, как тебе завидуют все твои друзья.

— И ты все это поняла только потому, что я сказал, как они тобой восхищались?

Ее плечи напряглись.

— Все мужчины такие.

— Я не такой. Мне не нужна зависть других, чтобы поддерживать мое самолюбие. Ты меня с кем-то путаешь. Может, с твоим мужем?

Калли отвела взгляд:

— Я не обсуждаю ни с кем свое замужество.

— Но ты судишь меня из-за того, как он себя вел. Так?

Калли смотрела на бухту.

— А тебе не пришло в голову, что я пригласил тебя, потому что хотел, чтобы ты была рядом? Потому что мне нравится, когда ты со мной?

Калли пораженно застыла.

— Я думал, что моим гостям понравится твоя компания. А тебе понравятся мои знакомые. Ты ищешь оскорблений там, где их нет.

— Извини, — пробормотала она, чувствуя себя виноватой. — Мне сегодня все очень понравилось. Спасибо. Особенно приятно было познакомиться с Марианой и Пауло. У них такие хорошие отношения.

Он склонил голову.

— Похоже, ты удивлена.

— Счастливые браки — большая редкость.

— В том числе твой?

Она вздохнула:

— В том числе и мой. Приятно видеть пару, которая так предана друг другу.

— У моих родителей было так. И все мои сестры счастливы в браке.

— Похоже, вы очень близки.

Дэймон подошел к ней поближе.

— Мои сестры говорят, что даже слишком. Что я всегда стремился их защищать и даже перегибал палку. Что до их замужества я пытался за них устраивать их жизнь.

— А теперь тебе пришлось перенаправить энергию на спасение бездомных собак?

— Не всю.

Его голос словно гладил ее.

Веки Калли тут же опустились, и она вся качнулась ему навстречу. Она просто не могла бороться с этим желанием. С каждым днем оно только усиливалось.

— Мне надо идти, — хрипло сказала она. — У меня встреча в городе.

— Встреча?

— С адвокатом. Я бы предпочла не опаздывать.

— А, так вот почему ты так консервативно оделась. Но мне нравится. — Он улыбнулся так, что у нее участился пульс, и стал водить рукой по лацкану ее пиджака. — А что, у тебя какая-то проблема юридического характера?

Его вопрос удивил Калли. Она пожала плечами. Встреча будет посвящена обсуждению ее несуществующего трастового фонда.

— Ничего серьезного. Я справлюсь.

— Когда встреча? — Он посмотрел на нее так, что ясно было — у него есть планы на после обеда, в которые не вписывается встреча с адвокатами.

— Меньше чем через час.

Дэймон опустил руку, легонько задев при этом ее грудь.

— Ладно. Идем. Я тебя подброшу.

А она-то думала, что он проигнорирует любые ее планы и соблазнит ее здесь и сейчас. Она даже как-то расстроилась.

Он предложил ей руку, и на секунду ее вдруг посетило безумное желание прижаться к нему и рассказать ему обо всех своих проблемах так, как она сделала тогда на яхте. А потом включился разум.

Он напомнил ей, что Дэймон Савакис и есть ее проблема.

— Калли? — Дэймон зашел в спальню и даже остановился от разочарования, когда увидел, что в ней никого нет.

С тех пор как они переехали в его квартиру в Афинах, она почти каждый день занималась какими-то своими делами. Она не то чтобы скривничала, но и не рассказывала ему, чем занимается. А он не пытался на нее давить.

Дэймон пошел дальше по коридору. Может, она в комнате, из которой сделала себе кабинет. Он постучал. Ответа не последовало. Он поколебался, потому что никогда не заходил в ту комнату, где были сложены ее вещи.

Наконец он повернул ручку. Она иногда не слышала его, потому что была в наушниках.

Дверь распахнулась, и Дэймон замер.

Он смутно помнил дизайнерское кремовое оформление этой комнаты.

Но его воспоминания растворились без остатка, когда в глаза ему бросились насыщенные яркие цвета, такие гостеприимные. Зайти в комнату к Калли было все равно что ступить в другой мир. Мир, где ее присутствие чувствовалось во всем.

Кровать была сдвинута в угол, а в центре стоял массивный чертежный стол. На кремовом покрывале лежали лиловые, зеленые и синие подушки. И он тут же подумал, как бы ему хотелось заняться с ней здесь любовью.

Еще подушки на софе. Лилии на журнальном столике. Их аромат напомнил ему запах кожи

Калли, когда они занимались любовью.

На стенах висели... он даже не знал, как это называется. Драпировки? Вышивки? Они были сделаны из ткани и бусин цветов моря. Это были изображения океана от перламутрового тона до стального серого, дополненные изысканной вышивкой.

Он подошел ближе, привлеченный картинкой с пляжем, окруженным соснами и водой цвета глаз Калли.

Его привлекла золотая подпись в углу. К.М.

Это Калли сама сделала?

Он вернулся к первому морскому пейзажу и еще раз их все пересмотрел. На каждом из них были те же инициалы. Калли говорила, что шьет. Но больше ничего не рассказывала, и он решил, что она шьет какие-нибудь салфеточки, как его мать. А это нужно выставлять в галерее. Почему она прятала свой талант?

В нем проснулось любопытство, и он подошел к столу и увидел там каталоги, визитки мастеров, работающих по стеклу и дереву, образцы тканей. А еще зачитанную чуть ли не до дыр папку. Бизнес-план.

Дэймон был так изумлен, что сразу стал листать его.

Через полчаса он потянулся и закрыл папку.

Его любовница — настоящая загадка.

У нее невероятный талант. Даже он, полный профан в том, что касалось декорирования, понимал, какие у нее способности в этой области.

Ее бизнес-план по открытию бутика элитного домашнего декора был очень тщательно продуман. Где она научилась открывать бизнес? У мужа? Вряд ли. Он исполнился чувством гордости при мысли о ее решимости открыть свой собственный бизнес. Он сразу вспомнил, как самому ему когда-то хотелось преуспеть. Он окинул комнату взглядом. Она была такая яркая, приветливая, теплая и чувственная. Как сама Калли.

Она изменила его представление о женщинах.

Как тогда в Микролимано, когда она развлекала его гостей. Он знал, что она будет идеальной хозяйкой вечера. В отличие от прежних его любовниц.

А еще ему интересно было посмотреть, как она отреагирует на бурный интерес мужчин. Она вела себя с ними дружелюбно, но не слишком. Большую часть вечера провела в беседах с его гостями. Казалось, она вообще не замечала, какой фурор произвела на вечеринке, пока она не сорвалась на него. Потому что думала, будто он такой же, как ее муж? Причина ее сдержанности — в ее замужестве.

Калли была не такая, как он подумал поначалу.

Она была независимая, умная, могла вспылить иногда, но в то же время очень чуткая. Она никогда не льстила его самолюбию. Она даже с ним спорила. Постоянно отказывалась от его подарков. И занимала его ум, а не одно только его либидо.

Калли уж точно не была расчетливой охотницей за мужчинами.

Она его изменила. Впервые он не был всецело сосредоточен на очередной своей сделке, очередной победе в бизнесе.

Он хотел большего. Больше Калли в своей жизни.

Глава 12

— Дэймон, ну, нельзя же все время заниматься одной только работой! Скажи, что приедешь на Кефалонию!

Позолоченные ногти женщины ухватили Дэймона за рукав и подтянули его руку вплотную к пышному, неестественно твердому бюсту. Шлейф дорогих духов сомкнулся вокруг него, как туман.

— Это будет вечеринка для избранных, Дэймонаки. Моего мужа не будет до выходных, но я тебя развлеку. В частном порядке.

Дэймона накрыла волна отвращения.

— Я на следующей неделе занят. И потом, моя спутница...

— Каллиста Манолис? Ну, она же не контролирует твою жизнь.

Ее коленка скользнула ему по бедру. Желчь подступила ему к горлу.

— Или привози и ее тоже. Повеселимся все вместе. Втроем.

— Боюсь, это невозможно. — Он высвободил руку и повернулся. — Калли, — с благодарностью пробормотал он.

Она была такая элегантная и сексуальная в черном платье с высоким воротом и открытыми плечами, прямо как глоток чистой воды. Дэймон протянул руку, и она вложила в нее свою ладонь. Ему тут же стало легче. Он уже начал привыкать к тому, как хорошо ему, когда она рядом.

— У нас с Дэймоном планы на эту неделю.

— Но вы же даже не знаете, о какой именно неделе идет речь, — возразила его собеседница.

Калли одарила Дэймона короткой улыбкой, от которой сердце его забилось чаще. Даже здесь, посреди этого светского приема, все в нем моментально откликнулось на приглашение в ее глазах.

— У Дэймона все недели заняты. Правда, Дэймон?

Дэймон изумленно уставился на Калли. Такой знойный голос у нее бывал, только когда они были наедине и ему удавалось довести ее до самого пика наслаждения. Все тело его тут же напряглось.

— Как скажешь, *glikia mou*.

Ему нравилось, что она вдруг сыграла роль женщины-вампа. Обычно на таких вечеринках она

вела себя очень сдержанно. Неужели она ревнует? Поэтому она к нему подошла? Эта мысль очень ему понравилась. Хотя он и держал ее в объятиях каждую ночь, какая-то часть ее мира оставалась для него наглухо закрытой.

Он всегда выбирал любовниц, которые понимали, что он не хотел ни к кому привязываться на эмоциональном уровне. С Калли же он хотел не только физического удовлетворения.

— Ну, — сказала его собеседница, — я не стану вставать на пути счастливой пары. Но помни, Дэймонаки, я тебе всегда рада. — Она повернулась и скрылась в толпе.

Калли тут же попыталась отпустить его руку, но он только крепче сжал ее ладонь. В ее зеленых глазах промелькнул гнев.

— Хорошие же у тебя друзья, Дэймонаки.

— Ревнуешь? Не обязательно было меня спасать, но все равно спасибо. Ну что, пойдём отсюда? — Она так сногшибательно выглядела в этом платье, что ему хотелось его с нее снять.

— А ты разве не хочешь остаться?

Дэймон сжал губы. Калли всегда самозабвенно предавалась с ним любви на кровати, в душе, на диване и даже однажды на обеденном столе, но никогда не была инициатором близости. В ней всегда была какая-то отстраненность.

Тем самым она испытывала его терпение, а еще его это очень возбуждало.

Он отпустил ее руку, скользнул по ее запястью к чувствительной точке с внутренней стороны локтя. Она содрогнулась, и соски ее затвердели, натянув шелк платья.

— Пойдем домой.

«Домой». Огромный пентхаус Дэймона действительно стал для нее домом, в отличие от бездушного особняка Алкиса.

Вот что поменялось в ее жизни, вдруг поняла Калли, пока Дэймон сажал ее в ожидающий их лимузин. Лед в ее душе постепенно начал таять. Это все Дэймон. Может, она и нужна ему только для секса, но он был с ней щедр. Он очень щедро дарил ей себя и свое время. Ее ужасала слабость, которую она к нему питала, но она не могла уйти с того самого утра, как он бросил ей вызов, предложил уйти, если получится.

Калли подсела на объединявшую их страсть. У нее было такое чувство, будто она больше не одна в целом мире. И все же она намеренно отказалась от нескольких роскошных подарков, которые попытался ей сделать Дэймон. Она будет жить по средствам. Чудесная новость о том, что ее трастовый фонд восстановлен, укрепила ее в мысли, что она не станет больше материально зависеть от мужчины. И она докажет, что не просто женщина, вся заслуга которой заключалась в том, что она захомутала богача с солидным счетом в банке. Она изо всех сил трудилась над осуществлением своей мечты.

Ее отношения с самым крупным магнатом в Греции были основаны на сексе, а не на выгоде. Ее до сих пор шокировало то, как сильно она его хочет. С другой стороны, в этом они были равны. Они оба пали жертвами страсти, против которой не могли устоять.

Дэймону было неприятно, но любопытно, когда ее репутация охотницы за деньгами не подтвердилась. Его первый подарок, перламутрово-белая комбинация, которая просто кричала «любовница» ей в лицо, жутко ее разозлил.

В результате их ссоры от комбинации остались одни клочки, а Дэймон получил истинное наслаждение, потому что она тогда впервые в их близости повела себя активно. Он смотрел на нее, пока она двигалась на нем, а мир кружился, как в калейдоскопе, и он хрипло грозил каждый день покупать ей белье.

У Калли губы изогнулись в улыбке при этом воспоминании.

Даже гордость не могла заставить ее порвать эти страстные отношения. Тем более что ей очень нравилось быть с Дэймоном, она чувствовала себя уверенно, ей было хорошо. Удивительно, ведь изначально он навязал ей эти отношения и ей хотелось его ненавидеть!

— Чему ты улыбаешься? — Дэймон притянул ее к себе поближе на заднем сиденье лимузина, обнял ее за плечи, коснулся ее, и тут же в ней вспыхнуло желание.

Она положила руку Дэймону на бедро и почувствовала, как напряглись его мышцы. Улыбка ее стала еще шире.

— Да так. Скажи, а что это была за женщина? Бывшая любовница?

Она слишком стара и слишком вульгарна для Дэймона.

— Ты, должно быть, шутишь.

Он скривил губы, поднял ее руку к губам, лизнул ее ладонь, запястье.

Она теснее к нему прижалась, радуясь втайне, что между ними и водителем перегородка.

— Я не думала, что ты любишь такого рода дам.

Язык Дэймона начал выписывать круги по центру ее ладони.

— А ты знаешь все о том, какие женщины мне нравятся.

Калли распахнула глаза.

— Ты меня все время интригуешь, — пробормотал Дэймон. — Ведь когда-то я сказал бы, что ты из той же породы женщин, что и она, и принципов у тебя не больше, чем у подзаборной кошки.

Калли замерла и отдернула руку, но он с легкостью снова поймал ее ладонь.

— Она все время ищет свежее мясо, нового любовника, которого может заманить в ловушку своими дешевыми чарами.

Калли покачала головой. Такое презрение после интимности последних недель больно ее ранило.

— Меня тошнит от этих богатых стерв. Они получают то, чего хотят, и им плевать на всех остальных.

Дэймон не смотрел на нее, он смотрел на улицы Афин.

— Она неблагоразумна, — осторожно сказала она.

Женщины часто вели себя неблагоразумно, когда дело касалось Дэймона.

— Благоразумна? А зачем проявлять благоразумие, когда при помощи богатства можно сгладить любые... неудобства?

— Дэймон? — его жесткость ее напугала. — В чем дело?

Он вперился в нее взглядом так, что она даже задрожала.

— Мы почти уже дома. — В его голосе прозвучало обещание удовольствия и еще что-то. — Там поговорим.

Через двадцать минут Калли сидела на открытой террасе с завораживающим видом на город. Она была все в том же черном платье из мягкого джерси. Это платье сшито было по ее эскизу. И ей было очень приятно, когда Дэймон сделал ей комплимент.

Алкиса бы удар хватил, если бы его супруга надела то, что сшила сама. Он считал, у нее недостаточно для этого способностей. И открыть бутик товаров для дома и интерьера ей тоже не под силу.

— Извини, — раздался у нее из-за спины голос Дэймона. — Мне нужно было срочно ответить на звонок из Калифорнии, но теперь все в порядке.

— Ничего, — пожала плечами Калли. — Я тут наслаждалась тишиной.

Без него. Она это имеет в виду?

Дэймон нахмурился. Может, она хочет побыть одна?

Он подошел поближе, и сердце у него сжалось. Какая же она красивая!

Даже странно, что она ему так нравится. Весь его жизненный опыт подсказывал, что ни одна женщина, тем более женщина из богатой семьи, не заслуживает того, чтобы возносить ее на пьедестал. С другой стороны, он знал, что она не так проста, как кажется. Что у нее много тайн.

— За что пьем? — поднял он бокал.

Легкая улыбка заиграла у нее на губах. В сексуальном плане она принадлежала ему. Но он хотел большего.

— За новые начинания, — сказала она.

— За новые начинания.

Он сел спиной к окну, потому что видел открывающийся из него вид много раз. Сегодня его внимание притягивала женщина, которая была с ним рядом. Он будет держать дистанцию, пока не получит ответы на все свои вопросы.

— Скажи, зачем ты вышла замуж.

- Я не обсуждаю свое замужество.
- Знаю. Но я хочу, чтобы ты мне сказала.
- Зачем тебе это?
- А почему нет? Ты что, кого-то пытаешься защитить?
- Нет, — сказала она, немного поколебавшись.

Шестое чувство подсказывало ему, что секрет Калли как-то связан с обстоятельствами ее замужества. Ему не обязательно было ее понимать, чтобы наслаждаться лучшим сексом в своей жизни. И все же ему нужно было знать.

- Ты боишься мне сказать. Дело в этом?
- Ну, зачем мне удовлетворять твое любопытство?

Он видел, как она закрылась от него. Так же было в доме ее дяди. Только тогда он думал, что ею движет одна только гордыня. С тех самых пор, как он нашел ее на яхте всю в слезах, он чувствовал, какая в ней таится боль.

- Чего ты боишься?

Она посмотрела ему прямо в глаза:

- Я не боюсь.
- Знаешь, говорят, нужно делиться неприятными воспоминаниями, чтобы их отпустить.

Калли помолчала.

- Я тебе расскажу, — наконец сказала она. — При одном условии. Ты ответишь мне на один вопрос.

- Договорились, — тут же согласился он.
- Я вышла замуж ради своей семьи. Пару мне подобрал дядя. Алкис был его знакомым.
- Твои близкие посчитали его хорошей парой для тебя?

— У компании были финансовые трудности. Она находилась на грани банкротства. Дядя Аристидис сказал, что без поддержки Алкиса наша семья все потеряет. А Алкис готов был помочь, только если получит меня взамен.

- Твой муж сделал тебя частью сделки? И Аристидис с этим согласился? — Дэймон пришел в ярость при мысли, что ее руку и сердце дали в довесок к контракту.

- Да.

— Подонки. — Он ни на секунду не усомнился в ее искренности. Прожив с ней две недели, он хорошо успел ее узнать. — Твой дядя тебе угрожал. — Это был не вопрос, а утверждение.

- Он это любит, — пробормотала Калли. — Мой первый роман кончился плохо, и я слишком

была занята своими переживаниями, чтобы сопротивляться. Я думала, что буду виновата, если тетя и сестра окажутся на улице.

— Манолис только что еще раз попробовал отколоть этот же номер. — Дэймон резко поставил бокал на стол. — Он попытался продать дочь, чтобы наши переговоры легче прошли! Он хотел и Анджелу тоже заставить?

— Конечно.

А он-то списал робость Анджелы на ее природную застенчивость. А на самом деле она боялась ему не угодить или, и того хуже, боялась, что ей придется выйти за него замуж.

Он в ярости вскочил с места. И как он мог быть так слеп? Он использовал стремление Калли защитить сестру, чтобы уложить ее к себе в постель. Он сыграл на том, что считал их необоснованными страхами, ни на секунду не допустив, что у девушек могли быть веские причины серьезно отнестись к возможности такого брака.

Калли пришлось смотреть, как ее история повторяется с кузиной.

Он развернулся к Калли. Она казалась спокойной, но он-то знал, какая боль скрывается за этим. Дэймон пришел в ужас, вспомнив, как он обвинял ее в том, что она вышла замуж по расчету, и грозил жениться на Анджеле, если она ему не отдастся.

— Прости, Калли. Я не знал. Я так усердно к тебе придирался и боролся с собственной похотью, что не видел то, что было у меня под носом.

— Ты не знал, — пожала она плечами.

— Я сделал тебе больно. — Дэймон подошел поближе, и она подняла на него глаза. — Я не понимал, что Манолис всерьез думает, будто может женить меня на Анджеле. Не знал, как он давит на нее. И на тебя.

Калли внимательно вглядывалась в его лицо.

— Ты не заслужила такого обращения. — Он никогда еще так дурно не поступал с женщиной. Он присел с ней рядом и взял ее за руку. — А еще я повел себя как напыщенный ублюдок.

Ее губы искривила улыбка.

— Да. Ты был просто ужасен.

— Не лучше Алкиса? — он с замиранием сердца ждал ответа.

— Хуже его не бывает.

— Почему?

В лунном свете он увидел, как глаза ее наполнились слезами. В груди у него опять все как-то странно сжалось.

— Мой муж был параноиком, который больше всего на свете любил всех контролировать. — Она глубоко вздохнула. — Я рада, что его больше нет на свете. — Она помолчала, посмотрела на их сомкнутые руки, потом на него так, что он понял, она очень тщательно выбирала свой вопрос. — Расскажи, кого тебе сегодня напомнила та женщина?

Дэймон вздрогнул, когда она так неожиданно сменила тему. Он разжал руку, и она высвободила свою ладонь.

Он не хотел говорить об этом. Это было слишком личное. Он посмотрел ей в глаза.

Теперь она принадлежала ему. Он вытащил на поверхность боль и страх из прошлого Калли. Теперь он ее понимал, хотя бы отчасти. Шесть лет с человеком, которого она не любила и не уважала. И все же она предпочла жить с ним, только бы не причинить боль тете и сестре, которых так любила.

Калли Манолис совсем не такая, как он думал. Она сильная, принципиальная и честная.

Полная противоположность той женщине, о которой она сейчас спрашивала.

Калли смотрела, как Дэймон отодвинулся, ни слова не говоря.

Впервые в жизни она сказала правду о своем замужестве. Даже тетя Десма не знала всей правды. Она бы стала винить себя в том, что не помешала этому браку. Ей понадобилось собрать в кулак всю свою волю, чтобы сохранить хоть каплю уверенности в себе за годы жизни с Алкисом. И извинение Дэймона было для нее как глоток свежего воздуха.

Извинение — такая простая, казалось бы, вещь. Но очень важная. Ей стало легче. Она... доверяла Дэймону. Ее история по-настоящему его шокировала.

Если до этого она только подозревала, что он не такой жесткий и эгоистичный, как она раньше считала, теперь у нее были тому доказательства.

Между ней и Дэймоном была какая-то необъяснимая связь, более глубокая, чем просто сексуальное влечение. И сейчас она впервые осмелилась надеяться, что ее чувства к нему не напрасны.

Он провел рукой по волосам, на лице его застыло мрачное выражение. Значит, шестое чувство ее не обмануло. Какая-то женщина оставила в его жизни нестираемый след. Доверяет ли он Калли настолько, чтобы поделиться с ней этим секретом? Она затаила дыхание.

— Лета Ксантис, — почти прошептал он. — Она напомнила мне Лету Ксантис.

— Лета... — Калли нахмурилась.

Это имя было ей смутно знакомо.

— Я забыл, ты же росла не в Греции. Она была женой самого влиятельного медиамагната Европы.

Калли кивнула:

— Она умерла, да?

— Да, от передозировки наркотиков. Такой шум тогда поднялся.

— Она была другом вашей семьи?

Дэймон фыркнул:

— Вовсе нет!

Он резко поднялся и подошел к перилам на краю террасы.

— Мы не общались с людьми ее круга. Когда мой отец умер, мать зарабатывала на жизнь тем, что убиралась на виллах богатых семей.

— Сколько тебе тогда было?

— Семнадцать. Я бросил школу и работал в тех же поместьях садовником и чернорабочим. Но я зарабатывал слишком мало, на всех нас не хватало, так что маме пришлось работать много лет. — В голосе его прозвучало сожаление.

— И одна из этих вилл принадлежала Лете Ксантис?

— Ее мужу. Он почти никогда туда не ездил, и она использовала виллу для развлечений.

— Она знала твою мать?

— Она бы никогда не обратила внимания на женщину, которая мыла у нее туалеты и прибиралась после ее оргий. Зато она заметила парня, который приходил постричь кусты и почистить бассейн.

— Она положила на тебя глаз? Когда тебе было семнадцать? Насколько она была тебя старше?

— А что тебя так шокирует? Лета вешалась на всех, кто был в брюках. И не она одна. Я рано узнал все о женщинах, у которых слишком много денег и времени, и о том, какие они жадные до плотских утех.

— Она тебя соблазнила? — выдавила Калли.

— Нет. Но от этого было только хуже. Я стал желанной добычей для нее и ее подруг. Они стали чаще наезжать к ней на виллу. В конце концов, она, правда, потеряла терпение и переключилась на другого человека.

Неудивительно, что Дэймон такого низкого мнения о светских львицах и что он так пресыщен, если на него уже в юности бросались богатые дамы из высшего света. Так вот почему он не доверял женщинам, которые жили за счет мужей!

Он и ее считал такой, когда познакомился с ней в доме дяди.

Калли расслабилась, когда поняла, что он склонен был думать о людях самое худшее из-за горького жизненного опыта, а не из-за того, как она себя повела.

Калли подошла к Дэймону. Он весь застыл от напряжения, опираясь одной рукой о колонну.

— Дэймон? На кого перекинулась Лета?

Калли увидела, как по его телу прошла дрожь. Ему тяжело было об этом рассказывать.

— На мою сестру.

У Калли дыхание от ужаса перехватило.

— Софи пришла помочь мне с работой на вилле. Ее увидел один из дружков Леты и положил на нее глаз. Лета пригласила Софи на вечеринку тем же вечером. И попросила держать это в тайне. Моей сестре тогда было шестнадцать, она была польщена. Она была слишком наивна и не знала, чего ожидать.

Калли хотела сказать Дэймону, чтобы он ничего больше не рассказывал, но не могла.

— Мы не сразу заметили, что ее нет.

— И ты пошел ее искать?

— Я чуть не опоздал.

Калли инстинктивно подошла поближе.

— Что произошло?

— Он что-то ей подсыпал. Или, может, опоил спиртным. В общем, она была без сознания, лежала там, платье у нее было задрано и...

Калли обняла Дэймона за талию.

— Он меня не видел, и я врезал ему прямо по морде.

Все его мускулы напряглись от этого воспоминания.

— Мне пришлось убежать от гостей Леты, которым не понравилось то, что я забираю с собой самую красивую девушку. Но нам все-таки удалось выбраться.

— Ты так нос сломал? Когда спасал сестру?

— Главное было вытащить ее оттуда. Пара синяков под глазами и окровавленный нос — это была ерунда.

Калли поежилась при мысли о том, что на него тогда напали взрослые мужчины, разгоряченные алкоголем. Она подняла руку и погладила его по подбородку.

— За что это?

Она покачала головой:

— Ни за что.

Для него было так естественно, что он помог сестре. Ему не понять ее восхищения, ведь ее никогда ни один мужчина так не защищал.

— И что было дальше? Их судили?

— Нет. Мама посчитала, что судебный процесс может расстроить Софи. Нас выгнали и пригрозили вызвать полицию, если увидят нас на территории.

— Это возмутительно! Как они могли вам угрожать?

— Их слово против нашего. Лета была богата и влиятельна. Я нашел новую работу, там, где я научился зарабатывать деньги. И сумел победить их единственным понятным им способом — стал богаче и влиятельнее них.

— А Софи? С ней все в порядке? — Калли положила голову ему на грудь, и Дэймон обнял ее.

Внутри у нее потеплело не от сексуального возбуждения, а от сильных эмоций. Для нее так много значила откровенность Дэймона.

— С Софи все хорошо. Она одна из лучших адвокатов Афин.

— Она живет здесь?

— Почти все мои родственники живут поблизости.

А она с ними не знакома. Потому что она Манолис? Или потому что она любовница лишь на время?

И тут он пошевелился, и между ними словно искра пробежала. Только на этот раз их страсть усиливалась эхом из прошлого, обнаженными эмоциями и взаимным доверием. Он видел ее такой, какой она была на самом деле. А она видела перед собой честного и сострадательного человека. Не считая отца, она больше таких мужчин не встречала.

Неужели она нашла хорошего человека?

Калли изо всех сил старалась не впускать его в свое сердце. А теперь она капитулировала, и это больше было похоже на победу, чем на поражение.

Он опустил голову, его дыхание коснулось ее лица, губ.

— Дэймон... — она притянула его голову к себе.

Мир вспыхнул ярким пламенем, когда он прижался губами к ее губам, своим поцелуем он словно перенес ее в райский сад.

Калли сделала то, чего сделать никогда уже не надеялась. Собрав все оставшееся в ней мужество, надежду и доверие, она без ума влюбилась в Дэймона Савакиса.

Глава 14

Калли заколола волосы. Скоро Дэймон будет дома, и она хотела выглядеть как можно лучше. Она улыбнулась собственному отражению. Ему понравится, как подчеркивает ее изгибы алое платье. Теперь ей приятно было производить на него впечатление. Она больше не была усталой жертвой, прячущей страх и боль за завесой отстраненности. Теперь она готова была довериться мужчине, если этим мужчиной был Дэймон. И она готова была двигаться дальше, с уверенностью глядя в будущее.

Совместное будущее с Дэймоном? Ее сердце забило чаще.

Их отношения сильно продвинулись, теперь их связывало не только желание, но еще и взаимное уважение, стремление заботиться друг о друге.

Впервые за семь лет Калли была счастлива. Должен же он разделять ее чувства хоть отчасти? Его все больше интересовали ее мысли и планы, он внимательно слушал, когда она описывала

свои первые осторожные шаги в мире бизнеса и коммерции.

Знал ли он, как важно для нее чувствовать, что она и ее проект что-то для него значат?

Впервые с тех пор, как ей исполнилось восемнадцать, мир ей улыбнулся. С Дэймоном ей казалось, что она все сможет. У нее кружилась голова от сознания собственной значимости и независимости. И от того, что у нее был Дэймон.

Зазвонил телефон, и она с радостью потянулась к трубке. Наверное, это Анджела хочет ей рассказать о своих планах. Она вот-вот выйдет замуж. На прошлой неделе дядя поразил их, дав согласие на ее брак с Нико.

— Анджела?

Оказалось, это ее адвокат. Он сказал, что у него прекрасные новости.

— Управляющая нового торгового комплекса подтвердила, что ваш бизнес-проект идеально вписывается в концепцию их центра. Она даже готова снизить для вас арендную плату на первые восемнадцать месяцев.

Калли потеряла лоб. Может, у нее совсем и нет опыта в таких делах, но даже она понимала, что новые торговые центры не снижают арендную плату для непроверенных арендаторов.

— Это какая-то ошибка. С чего им делать мне такое выгодное предложение?

Повисла пауза, потом адвокат все же смущенно заговорил:

— Насколько я понимаю, тут свою роль сыграли ваши нынешние... отношения.

— Отношения? — Похоже, он имел в виду Дэймона. — Я не понимаю.

— Вы же знаете, что это здание принадлежит «Савакис энтерпрайзес»?

Нет. Она этого не знала.

— И вы полагаете, управляющая пытается угодить генеральному директору, предложив его... девушке выгодную сделку?

Опять адвокат помолчал.

— Если я правильно все понял, это предложение было сделано по указанию генерального директора.

Дэймон предложил менеджеру самого эксклюзивного торгового центра в городе снизить для нее арендную плату? Калли покачала головой. Зачем ему так рисковать?

— Вы уверены?

— Абсолютно. — Он прочистил горло. — Господин Савакис уже проявлял интерес к вашим делам. И, учитывая то, в каких вы с ним состоите отношениях, я думал, вам это известно.

— Интерес какого рода?

— Ваше наследство. Вы знаете, что были трудности с доступом к трастовому фонду, которым

управлял ваш дядя.

— Я знаю все обстоятельства этого дела.

— Простите, но, возможно, не все. Деньги, которые вы получили в наследство, доплатил господин Савакис.

— Дэймон? Не мой дядя? Вы уверены?

— Совершенно уверен. Формально деньги были перечислены со счетов компании, принадлежащей вашей семье, но пришли они определенно от господина Савакиса. Конечно, я не разглашал ваши личные обстоятельства, но он был очень хорошо осведомлен. Он хотел, чтобы все было по справедливости.

У Калли задрожали руки. Дэймон всегда заботился о том, чтобы справедливость по возможности торжествовала. Она срывающимся голосом поблагодарила адвоката и повесила трубку. Дэймон так старался ей помочь с наследством, с ее собственным бизнесом. Почему?

Потому что он ее любит?

Она подавила смешок. Конечно нет. Ему нравилось заниматься с ней сексом, но он никогда не говорил о долгосрочных отношениях. Это ей нужно было большего. Он пришел в такую ярость, когда узнал о ее прошлом, и так мучился угрызениями совести из-за того, как вынудил ее согласиться с ним на отношения. Она даже сначала думала, может, он так интересуется ее проектом, потому что хочет как-то загладить свою вину перед ней и показать, что он не такой, как ее муж.

Она вспомнила слова Пауло о том, как Дэймону всегда нужно, чтобы все было по справедливости. О том, как сильно в нем чувство ответственности.

Может, Дэймон считал ее жертвой, которой нужна защита?

Сердце у нее сжалось, в ней все больше крепились подозрения. Неужели он поэтому проявлял к ней интерес и так ее поддерживал? А она-то так этому радовалась.

Дэймон ее жалел?

Она была белая как полотно, алая помада на губах делала ее похожей на клоуна.

Она подняла руку и тыльной стороной ладони стерла помаду.

— Калли? — Дэймон от нетерпения ускорил шаг.

В нем так и кипела энергия. Он даже немного нервничал. Таких сильных эмоций он не испытывал со дня заключения своей первой сделки. Сегодня тоже был памятный день. Даже еще более памятный. Он похлопал по маленькому свертку в нагрудном кармане, проверяя, на месте ли он.

Все приготовления были закончены.

Сначала он хотел устроить ужин на двоих у себя в квартире. Но потом передумал. Он улыбнулся при мысли о сестрах и их семьях, которые сейчас как раз собрались в доме у его матери. Они были в восторге от такой новости.

Калли это понравится. А она понравится им.

Но сначала они с Калли наедине выпьют за это. Его домработница заверила его, что все будет готово к его приходу. Он зашел в гостиную и замер при виде фигуры в красном платье у окна. Она стояла к нему спиной. Сердце у него в груди ухнуло, потом снова забилося ровно.

Калли. Его женщина.

Он поступает правильно. Она та женщина, которая ему нужна.

Дэймон подошел к ведерку со льдом, открыл бутылку превосходного французского шампанского и разлил его по бокалам.

Только тогда она повернулась.

Дэймон улыбнулся и протянул ей бокал:

— Держи, *glikia tou*.

Он почувствовал, как она напряжена, как дрожала ее рука, когда она взяла бокал. Она чувствовала, что сегодня особенный день.

Он окинул взглядом ее длинное, рубинового цвета платье.

Она одевалась, чтобы ему понравиться. При этой мысли пульс у него участился.

— Ты выглядишь великолепно. Прямо хочется тебя съесть.

Тут же он ощутил, как в нем растет желание. Но сейчас неподходящий для этого момент. У них еще будет для этого время.

Он заметил, что губы у нее не накрашены. Интересно, почему? Она знает, что он все равно сотрет ее помаду поцелуями?

Он сделал шаг ей навстречу.

— Калли *μου*, — хрипло пробормотал он. — Нам надо поговорить.

— Да.

Он не отрепетировал речь, потому что знал, чего хочет, и не думал, что так сложно будет подобрать слова. С другой стороны, какой у него опыт в таких делах? Никакого.

— О будущем.

— Хорошо. Я тоже хочу с тобой поговорить. — Она замолчала на секунду и отвела взгляд. — Я решила уйти.

Дэймон ушам своим не мог поверить.

— Это не смешная шутка, Калли.

— Я не шучу, — почти прошептала она.

Дэймон поставил свой бокал на столик.

— Ты не уйдешь.

Женщины никогда от него не уходили. Он сам всегда разрывал отношения. Тем более что это Калли. Женщина, которую он для себя выбрал, которую он хочет.

Нет, не просто хочет. Она нужна ему. Он подошел поближе, и она резко от него отстранилась.

У него по спине холодок пробежал, когда она повернулась и он увидел, какое убитое у нее выражение.

— Почему? Это не вписывается в твои планы?

Такого тона он не слышал от нее уже давно. Что происходит?

— Что случилось, Калли? В чем дело?

— Пора двигаться дальше. — Она вздернула подбородок. — Мне здесь не место. Это неправильно.

Неправильно? Да это просто чудесно! Она изменила его жизнь, и он не представлял больше этой жизни без нее.

— Я тебя не отпущу.

Эти слова вырвались у него прежде, чем он успел их осмыслить. Он инстинктивно потянулся и обнял ее за стройную талию.

— Я думала, ты давно уже перестал мне угрожать.

— Калли! Я тебе не угрожаю. Разве ты мне не доверяешь?

Он так старался завоевать ее доверие после всего, что сделал. Он думал, что они оставили все в прошлом. Хоть еще и мучился чувством вины за то, как он с ней сначала обошелся.

— Насколько я вообще могу доверять мужчине.

— Калли моя, — он подвинулся еще ближе, — ты можешь мне доверять.

— Ты хороший человек, Дэймон. Но мне здесь не место. Я предпочитаю жить одна.

— Ты это несерьезно. — Он притянул ее поближе к себе. — Нам хорошо вместе, Калли. Ты же знаешь.

— Секс.

Она пожала плечами и отвернулась, чтобы он не смог ее поцеловать. Он нежно прикусил ей мочку уха и почувствовал, как она вся задрожала.

— Видишь, как ты на меня реагируешь?

— Я устала быть твоей любовницей, женщиной, которая недостаточно хороша даже для того, чтобы познакомиться с твоей семьей. Я из стана врага, помнишь? Я Манолис.

— Это неправда! Они так не думают. Это я хотел возмездия, а не они. Ты даже не

представляешь, как ты ошибаешься.

Он подумал о том, что как раз сейчас все его сестры собираются, чтобы поприветствовать ее.

— Просто не было подходящего момента...

Дэймон резко замолчал, когда вдруг понял, что она права. Он не подпускал ее к своей семье. Сначала он ей не доверял. А потом все больше стал привязываться к Калли и не показывал ее уже из жадности — он не хотел ее ни с кем делить. И только теперь он осознал вдруг, сколько она для него значит. Она единственная женщина, которую ему хочется показать матери.

Калли уперлась руками ему в грудь, пытаясь его оттолкнуть. Он заметил слезы в ее глазах и отступил на шаг.

— Это неважно. — Она явно говорила неправду. — Важно, что я не хочу оставаться с тобой, пока ты не решишь наконец, что я могу твердо стоять на ногах. Я могу сама о себе позаботиться.

— О чем ты?

Калли покачала головой:

— Я не повод для благотворительности, Дэймон. Я понимаю, намерения у тебя благие, но мне не нужно, чтобы мужчина меня жалел.

— Жалел? У меня к тебе совсем другие чувства.

Он уже хотел сказать, что он к ней испытывает, но потом передумал.

Она пока не готова это услышать. Она все еще ему не доверяет.

Калли смотрела на Дэймона. Нет, он, и правда, не понимает. Он просто пытался ей помочь. Он не виноват, что не любит ее.

Вдруг весь ее гнев испарился. Осталась только усталость.

— Я знаю, что тебе я обязана своим наследством.

— Ты имеешь на него полное право. А для меня такая сумма не деньги.

Вот также он много недель назад говорил с Пауло о благотворительности. Такой уж он человек. Щедрый, стремится всех защитить, сделать так, чтобы все было по справедливости.

Вот только она не проблема, требующая решения.

Она не хотела, чтобы Дэймон был ее покровителем.

Она хотела, чтобы он был с ней на равных, потому что любила его.

— А низкая арендная плата в твоём новом здании?

Дэймон моргнул. Он явно не ожидал, что она об этом узнает.

— Это место идеально тебе подходит. Не помочь тебе открыть там свой бизнес было бы просто

преступлением.

— Но я должна это сделать сама. Неужели ты не понимаешь?

Если бы хоть раз он сделал что-то из любви к ней, потому что она была особенной...

— Ты не хочешь принимать помощь от меня?

Дэймон выпрямился и весь вдруг как-то от нее отдалился.

Калли покачала головой:

— Дело не в помощи.

— Может, тогда в контроле. Ты говорила, что твой муж болезненно стремился всех и вся контролировать. Что конкретно он делал?

— Я не понимаю. Это неважно.

— Не хочешь мне сказать? — он произнес это так искренне и нежно.

Даже сейчас он хотел поправить ее прошлое. А она стремилась забыть о прошлом и начать строить будущее.

Жаль, что представить свое будущее она могла только рядом с Дэймоном, а этому не бывать.

Она вздохнула, и Дэймон застыл, когда увидел выражение боли и страдания у нее на лице.

— Алкис вечно накладывал на меня какие-то ограничения. С кем мне нельзя видеться, куда нельзя ходить. Я сбилась со счета, сколько школ дизайна и занятий по малому бизнесу мне пришлось бросить. Мы уезжали куда-то надолго, или он плохо себя чувствовал. Всегда находилась какая-то причина.

— Ты могла пойти против его воли.

Калли покачала головой:

— Он бы узнал, и жизнь стала бы просто невыносимой. Он всегда знал, где я бываю. Ему докладывали о каждом моем шаге.

Поразительно, как сильно Алкис навредил Калли своим желанием все контролировать. Неудивительно, что она так отчаянно защищает свою независимость.

А сам Дэймон тоже ей навредил?

Он пытался помочь, но она думала, что он руководит ее жизнью. Теперь ничто на свете не сможет ее убедить в том, что он не такой, как ее подонок-муж. Может, надо было подождать и посоветоваться с ней?

Дэймон поморщился, потому что знал ответ на этот вопрос.

— Ты думаешь, я такой же, как он. — Он повернулся и стал мерить комнату шагами.

Он решил, что Калли ему доверяет и разделяет его чувства. Неужели он так сильно на нее

давил, что потерял ее навсегда?

— Нет! Конечно, ты не такой. — На лице ее застыло такое несчастное выражение.

Ему хотелось закружить в ее объятиях, ласкать ее, заниматься с ней любовью, пока она не забудет о своей боли. Но тогда радость его продлится недолго. Рано или поздно она снова вот также грустно на него посмотрит.

— Как я могу доказать, что ты не права? Что мне сделать, чтобы ты мне доверяла?

— Я доверяю тебе, Дэймон, просто...

«Не люблю тебя?»

«Не хочу, чтобы ты контролировал мою жизнь?»

«Не могу жить с тобой?»

Дэймон был в отчаянии. Он чувствовал свою полную беспомощность.

— Тогда скажи мне, что я могу сделать, чтобы все изменить?

Он готов был на все. Единственная его надежда была на то, чтобы доказать ей, что он тот мужчина, которому она может доверить свою жизнь.

Губы ее искривились, она покачала головой:

— Ты можешь меня отпустить.

Глава 15

— Новые поступления, о которых я говорила, вон там, на стене.

Калли улыбулась одной из лучших своих покупательниц, потом отошла, чтобы женщина со своим спутником могли спокойно походить по магазину и посмотреть то, что им интересно.

Долгий рабочий день почти уже закончился. Она ужасно вымоталась. Не физически, она все еще получала огромное удовольствие от работы. Она устала от эмоционального напряжения.

Пять месяцев три недели и шесть дней она не видела Дэймона.

С каждым днем она все больше скучала по человеку, который заставил ее посмотреть в глаза собственным страхам. Человеку, который бесил ее, бросал ей вызов, вмешивался в ее жизнь. Человеку, который поддерживал ее и слушал, дарил ей покой и удовольствие. Она отвергла этого мужчину, потому что была слишком гордой. Ей нужна была его любовь, на меньшее она согласиться не могла.

Теперь у нее была независимость и возможность, за которую она так долго боролась. И это было прекрасно. Она доказала себе, что она способна на это, что она стоит больше, чем мог предположить Алкис или кто-либо другой, в том числе она сама.

Но теперь, когда она узнала, каково это жить с Дэймоном, ей было мало независимости.

Она мечтала о том, что могло бы быть, если бы он ее любил.

Наверное, она была ему небезразлична, ведь он столько усилий ради нее приложил. Она не хотела, чтобы он был с ней из жалости. Не пережила бы, когда он взялся бы за следующий благотворительный проект.

Или того хуже — влюбился бы в другую женщину.

Нет, Дэймон ее не любил. Он считал, что они хорошо подходят друг другу в постели. Она будила в нем инстинкт защитника. Но он не попытался ее остановить, удержать. У него наверняка уже есть новая пассия. Калли не хотела ничего об этом знать. Она желала ему счастья, но не пережила бы, если бы увидела, как он улыбается другой.

Слезы затуманили ей глаза.

— Они прекрасны, — услышала она у себя за спиной.

Калли резко развернулась и увидела женщину лет шестидесяти, которая лучезарно ей улыбалась. Она махнула рукой на вышивки Калли по шелку.

Из ее серии морских пейзажей осталось всего два.

— Я очень рада, что вам нравится, — пробормотала она.

Калли говорила правду, она с радостью бы продала их, слишком много воспоминаний было связано с этими пейзажами.

Она начала эту серию, когда только овдовела, пейзажи того времени были штормовыми и туманными.

А закончила, когда была счастлива и полна жизни, потому что жила с Дэймоном. У этих последних работ было совсем другое настроение, море на них было спокойное и полупрозрачное.

— Моя дочь сказала мне, что это ваши работы.

— Ваша дочь? — Калли изо всех сил пыталась сосредоточиться на разговоре.

— Да. — Женщина показала на свою элегантно одетую спутницу. — Она купила один из этих морских пейзажей, и я пришла посмотреть остальные. А еще взглянуть на удивительную женщину, которая их сделала.

Калли очень хорошо помнила тот пейзаж. Он был весь пронизан счастьем, и она думала, что никогда не сможет его продать. Но держать его у себя оказалось еще больнее.

— Спасибо. Хотите посмотреть поближе?

Они вместе подошли к морским пейзажам.

— Я сама занимаюсь шитьем, но мне никогда такой красоты не сделать, — сказала ее спутница. — Просто невероятно, как вам удастся добиться такого эффекта при помощи ткани и ниток.

— Спасибо большое. А что именно вы шьете, госпожа...

— Савакис. — Она внимательно наблюдала за реакцией Калли своими умными темными

глазами. — Но, прошу вас, зовите меня Ирины.

Дэймон вскочил.

— Где она? — рявкнул он по громкой связи.

— В фойе, господин Савакис. Мне сказать секретарю, чтобы пропустила ее?

— Да. Прямо сейчас.

Дэймон положил трубку, сердце у него учащенно забилося при мысли о Калли в его кабинете.

Почему здесь? Почему сейчас?

Калли сбежала от него шесть месяцев назад. Шесть долгих мучительных месяцев, за которые он познал глубочайшие сомнения, страх и отчаяние. Ему очень трудно было ее отпустить, почти невыносимо.

Она не оставила ему выбора, только стоять и смотреть, как женщина, которую он любит, уходит из его жизни. Он сделал ей больно и теперь мог только ждать и молиться.

И сегодня его терпение закончилось. Он пообещал себе, что через полгода, в этот самый вечер, пойдет к ней домой. Ведь он дал ей достаточно времени, чтобы заслужить еще один шанс.

Что она здесь делает?

Какими бы ни были ее намерения, важен был результат их встречи. А он мог быть только один. Жить дальше без нее было просто невыносимо. Он должен был это как-то решить. Сейчас.

— Войдите.

Калли переступила порог и остановилась, сердце в груди у нее подпрыгнуло.

Он все такой же мужественный и красивый, каким она его помнила. Она жадно разглядывала Дэймона. И от одного взгляда на его пальцы перед ее мысленным взором одна за другой стали всплывать очень интимные картинки.

— Привет, Калли.

На лице его ничего не отражалось.

— Привет, Дэймон.

— Присядешь?

— Спасибо.

Она прошла под пристальным взглядом Дэймона. Она приехала прямо из магазина. Так что одета она была аккуратно, но негламурно.

Подойдя к нему поближе, Калли увидела тени у него под глазами, складки в уголках рта. Он слишком много работает.

— Очень любезно с твоей стороны было согласиться со мной встретиться.

Дэймон только склонил голову.

Он специально ее смущает, сидя за этим огромным столом и не говоря ни слова? Хотя это не важно. Важно было только снова наладить с ним отношения.

Когда она сегодня познакомилась с его матерью, в ней проснулась слабая надежда на то, что он испытывает к ней нечто большее, чем жалость. Но сейчас, глядя на эти строгие черты, она поняла, что пришла зря.

Дэймон ее не любит.

— Я могу предложить тебе что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо. Я пришла извиниться, — сказала она и посмотрела ему в глаза. — Надо было это раньше сделать, но мне понадобилось время, чтобы... во всем разобраться.

Она помолчала, но он ничего не сказал.

— Мне следовало как минимум поблагодарить тебя за то, что ты доложил в мой фонд деньги, которые украл дядя.

Он махнул рукой:

— Забудь. Это ерунда.

— Нет. Ты не прав. Это очень много для меня значило. Это позволило мне начать новую жизнь. Доказать себе, что я могу чего-то добиться.

— А это для тебя важно?

— Конечно. И я хотела тебе сказать, что начну возвращать тебе деньги, когда...

Он вскочил на ноги, глаза его блеснули.

— Ты этого не сделаешь!

Таким он Калли больше нравился. Пусть даже злится, только не будет таким отстраненным. Пульс у нее участился при мысли о Дэймоне в состоянии возбуждения.

— Ты за этим пришла? Договориться об уплате долга? — голос его прозвучал холодно.

А она-то надеялась, в разлуке он соскучится и поймет, что любит ее, а не жалеет. В горле у нее застрял комок. Все кончено. Пора двигаться дальше.

— Это все?

Калли кивнула, не глядя ему в глаза:

— Да, все. Спасибо, что согласился меня принять. Надеюсь... надеюсь, у тебя все будет хорошо.

Она повернулась к двери. В глазах у нее стояли слезы.

— Подожди!

И тут она вдруг заметила морской пейзаж на стене.

— Проходи и садись, Калли.

Она только покачала головой, глядя на вышивку по шелку прямо перед столом Дэймона. Колени у нее задрожали. Уголком глаза она увидела, как Дэймон пошел к ней.

— У тебя моя картина.

— Да.

Не просто картина. А ее любимая картина. Та, которую она сначала никому не хотела отдавать, потому что она так много для нее значила. Уединенный пляж, окруженный соснами, где они когда-то встретились.

— Я смотрю на этот рай в перерывах между деловыми встречами, это помогает мне не сойти с ума.

— Это не рай, — хрипло сказала она. — Это...

— Я прекрасно знаю, что это за место.

Он подошел так близко, что она теперь видела только его. Калли вдохнула его запах. Веки ее задрожали.

— Поэтому я попросил сестру купить ее для меня. Именно этот пейзаж. И вообще, это я попросил ее сходить к тебе в магазин. Посмотреть, как у тебя идут дела.

Когда Калли это услышала, по телу ее разлилось тепло. Через секунду она осознала, что отчасти это тепло исходило от его рук, которыми он обхватил ее ладони.

— Ты попросил ее и другие вещи тоже купить?

— Нет. Это была ее идея. Ей так понравился магазин, что она начала рассказывать о нем своим друзьям.

— Ко мне часто приходят по рекомендации знакомых.

— Тебя это не расстраивает?

— Как меня может расстроить то, что я была тебе небезразлична настолько, что ты решил справиться, как у меня идут дела.

— Это еще не все. Я хотел поговорить с тобой об этом, но ты ясно дала мне понять, что не хочешь со мной общаться.

— Что ты сделал?

— Я поговорил с твоим дядей и убедил его, что ему нужно расширять горизонты. Он принял предложение стать у руля одной из моих компаний на Карибских островах. Его жена не совсем здорова, ей противопоказаны переезды. Она останется в Греции и будет готовиться к свадьбе твоей двоюродной сестры.

— Это ты все сделал? Ты совершил ужасную ошибку. Он разрушит тебе бизнес!

Раскатистый смех Дэймона укутал ее словно одеяло.

— Не волнуйся. Его обязанности не так обширны, как он сначала думал. За ним будут очень строго следить. Возможно, ему даже придется поработать для разнообразия.

— Ты сделал это для меня?

— И для Анджелы, и твоей тети. — Он выпрямился. — Скажешь, что я пытался управлять вашими жизнями.

Она покачала головой:

— По-моему, это чудесно.

— Правда? — Он приподнял брови. — А ведь ты бросила меня, потому что я, как твой муж, заправлял твоей жизнью.

— Нет! Ты совсем не такой, как Алкис! Ты щедрый, заботливый. Ты... ты особенный.

Его взгляд пронзал ее насквозь.

— Тогда скажи мне, Калли, почему ты ушла, когда я как раз собирался сделать тебе предложение?

Дэймон почувствовал, как по ее телу прошла дрожь. Она распахнула глаза. От удовольствия или потрясения?

Он дал ей шесть месяцев на то, чтобы понять: то, что было между ними, — это нечто особенное. Есть ли у него надежда?

— Не надо, пожалуйста. — Она отвернулась, воплощенное страдание. — Тебе не нужно...

— Не надо что, Калли?

Она моргнула, и он пальцем коснулся ее мокрой щеки. У него перехватило дыхание при виде ее боли.

— Не плачь, Калли *mou*. Пожалуйста.

— Я знаю, тебе меня жаль. Но прошу тебя — ты не можешь жениться на мне из жалости!

Он обнял ее. Он так давно ее не обнимал, какое же это приятное чувство.

— О чем ты, *glikia mou*?

— Я... я... — Она посмотрела на него огромными, полными слез глазами, и он тут же ощутил, как зашевелилось в нем желание.

— Я в тебя влюбилась, — торопливо сказала она. — Ты, наверное, это понял. Но мне не вынести мысли о том, что ты остался со мной, потому что жалеешь меня.

— Ты думаешь, я бы это сделал?

— Все, что ты делал для меня, я понимаю, это не было личным. Это было сделано из

альтруизма, чтобы справедливость восторжествовала, но...

— Альтруизм, черт меня подери! — Он прижал ее еще ближе к себе, как будто никогда не хотел отпустить. — Ты поэтому ушла? Ты думала, я тебя жалею?

Она кивнула, и он испытал такое облегчение, как никогда в жизни.

— Предложение все еще в силе, Калли. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. У меня даже есть кольцо в доказательство.

— Пожалуйста, нет. Ничего не выйдет.

— Перестань на секунду возражать, женщина, и послушай.

Она подняла на него глаза, и он улыбнулся. На губах Дэймона застыла широченная улыбка. Он с радостью и облегчением опустился в кресло, потянув ее за собой. Она была такая теплая, такая мягкая в его объятиях, у нее была такая прекрасная фигура, формы, от нее так хорошо пахло. Это был рай после шести месяцев чистилища.

— Я хочу жениться на женщине очень чувственной, красивой, талантливой, своенравной, решительной. На женщине, которую я люблю.

Как приятно было сказать эти слова.

— Любишь!

— Да, люблю.

В этот момент ему показалось, что груз последних шести месяцев сняли с его плеч.

— Ты любишь меня? — изумленно переспросила Калли.

Дэймон подхватил ее за талию и встал из-за стола, стал кружить ее. Она была такая легкая в его объятиях. И также легко было у него на сердце. Комнату наполнил ее смех.

Кто бы мог подумать, что счастье может заключаться в одной удивительной женщине? Он поставил ее на ноги.

— Я люблю тебя, Калли. Я буду твоим мужем, если ты доверишься мне, поверишь, что я не буду контролировать твою жизнь.

— Правда?

— Правда.

— Дэймон. — У нее из глаз опять потекли слезы. Но он смотрел на ее улыбку, он знал, что плачет она от счастья. — Я доверяю тебе. Я так тебя люблю. Я никогда больше не хочу с тобой разлучаться.

Мир замер на секунду, когда он услышал эти слова.

Примитивное желание в Дэймоне требовало скрепить эту их глубокую эмоциональную связь не одним только поцелуем. Он хотел обладать своей женщиной прямо здесь и сейчас на длинном диване у стены. Они слишком долго не виделись, и он слишком сильно ее хотел. Но он знал,

что женщины любят романтические жесты.

Он снова подхватил Калли на руки.

— Что ты делаешь?

Искушение кружило ему голову, когда он держал ее в объятиях.

— Увожу тебя, пока мы очень сильно не отвлеклись. Мы съездим, заберем твое кольцо, а потом отпразднуем — поужинаем вдвоем. И позвоним моей семье. Пора тебе с ними познакомиться.

Он пошел к двери.

— Я уже познакомилась с твоей семьей.

Он резко остановился, когда она прижала руку ему к груди. На щеках ее играл румянец, глаза были прикрыты.

— Сейчас я хочу только тебя.

У Дэймона сердце в груди перевернулось, когда она встретилась с ним взглядом.

— Я всегда знал, что ты моего типа женщина, *glikia tou*. Нам так хорошо будет вместе!